

ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ» РСФСР

Н. В. ПИЛИПЕНКО

**УТОПИЗМ
БУРЖУАЗНЫХ
ТЕОРИЙ
«ОБЩЕСТВА
НОВОГО ТИПА»**

МОСКВА 1976

Научно-методический совет по пропаганде
марксистско-ленинской философии

Н. В. ПИЛИПЕНКО,
доктор философских наук

У Т О П И З М
БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ
«ОБЩЕСТВА
НОВОГО ТИПА»

Основные капиталистические страны охвачены ныне самым глубоким за последние 40 лет экономическим кризисом, остроту и глубину которого можно сравнить лишь с кризисом 30-х годов. Он распространился одновременно на все основные центры мирового капиталистического хозяйства. «Характерно, — подчеркивается в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, — что кризис такой силы поразиł высокоразвитую государственно-монополистическую экономику, сложившуюся в послевоенный период. Капитализм всячески стремился идти, так сказать, в ногу со временем, применять различные методы регулирования экономики. Это позволило стимулировать экономический рост, но, как и предвидели коммунисты, не смогло устранить противоречий капитализма»¹.

Сегодня вся система капитализма переживает общий кризис, не только экономический, но и валютный, энергетический, сырьевой, продовольственный кризисы, кризис социальных, политических и моральных ценностей. В странах капитала растет безработица, увеличивается инфляция, происходит рост цен на продукты питания и товары широкого потребления. «Коммунисты далеки от того, чтобы предрекать «автоматический крах» капитализма. У него есть еще немалые резервы. Однако события последних лет с новой силой подтверждают, что капитализм — это общество, лишенное будущего»², — говорил Л. И. Брежнев.

Капитализм не в состоянии гарантировать занятость населения, удовлетворить его потребности в улучшении жилья, образования, культуры и здравоохранения, защитить окружающую среду от хищнического использо-

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, стр. 28.

² Там же, стр. 29.

вания монополиями, дать людям уверенность в завтрашнем дне, предоставить им подлинную свободу, покончить с войнами, устранить социальный и национальный гнет и неравенство.

Решать все эти социально-экономические проблемы в интересах человека и общества, обеспечить всем народам условия для свободного развития и процветания способен только социализм. В социалистических странах происходит устойчивое развитие экономики, всех сторон общественной жизни, неуклонно повышается благосостояние народа, все более полно удовлетворяются материальные и духовные потребности населения.

«Социализм, — говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, — уже сегодня оказывает огромное воздействие на мысли и чувства сотен миллионов людей на земле. Он обеспечивает людям труда свободу, подлинно демократические права, благосостояние, широчайший доступ к знаниям, прочную уверенность в будущем. Он несет мир, уважение суверенитета всех стран и равноправное межгосударственное сотрудничество, служит опорой народам, ведущим борьбу за свою свободу и независимость. А завтрашний день, несомненно, даст новые свидетельства безграничных возможностей социализма, его исторического превосходства над капитализмом»¹.

В настоящее время развитие стран социализма составляет главное направление социального прогресса человечества.

В этих условиях, чтобы реабилитировать капитализм, буржуазные идеологи изобретают новые формы его защиты, стремясь найти альтернативу социалистическому пути развития человечества.

Одним из модных приемов апологетов современного капитализма является попытка создать различные теории так называемого «общества нового типа». К ним относятся: «интегральный тип общества» Питирима Сорокина, «единое индустриальное общество» Раймона Арона, «новое индустриальное общество» Джона Гэлбрейта, «общество высшего уровня массового потребления» Уолтера Ростоу, «посткапиталистическое общество» Ральфа Дарендорфа, «постиндустриальное общество» Даниэля Белла, «постэкономическое общество»

¹ Материалы XXV съезда КПСС, стр. 10.

Г. Канна и А. Винера, «технотронное общество» З. Бжезинского, общество «сверхиндустриальной цивилизации» О. Тоффлера, «зрелое общество» Д. Габора, «активное общество» А. Этциони и т. п.

Отправным методологическим принципом всех этих теорий является идея «конвергенции» капитализма и социализма, их синтеза с возникновением качественно новой социально-экономической структуры, а их общенаучной основой — «технологический детерминизм», фетишизирующий роль и место научно-технической революции в современном общественном развитии. Такой поворот в развитии буржуазной социально-политической и социологической мысли, переход от открытой апологетики капитализма к завуалированной защите эксплуататорского строя под флагом «общества нового типа» означают сползание буржуазной общественной науки на позиции социально-политического мифотворчества и утопизма.

В предлагаемой брошюре на основе критического анализа теоретических построений буржуазных социологов рассматриваются различные социально-утопические теории «общества нового типа». При анализе этих теорий выделяется то общее, что позволяет рассматривать их в совокупности как новую тенденцию буржуазной социально-политической мысли, направленной на отрицание социалистического будущего всего человечества, на оправдание в реформированном виде капиталистических порядков.

«КОНВЕРГЕНЦИЯ» И «ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ» КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ И НАУЧНАЯ ОСНОВА ТЕОРИЙ «ОБЩЕСТВА НОВОГО ТИПА»

Согласно воззрениям буржуазных идеологов, понятие «конвергенция» означает, что социализм и капитализм представляют две различные формы «единого общества», которые развиваются в одном направлении и в перспективе могут сблизиться друг с другом в рамках некоего усредненного общества. В качестве доказательства такой возможности буржуазными идеологами используются внешне сходные черты в протекании современной научно-технической революции в странах с различными социально-политическими и социально-эконо-

мическими системами, отождествляется программирование экономического развития в капиталистических государствах с планированием народного хозяйства в странах социалистического содружества, затушевываются различия в образе жизни стран социализма и капитализма, противоположность капиталистических монополий и крупных социалистических предприятий и объединений, а развитие товарно-денежных отношений в странах социализма представляется как возвращение их к рыночному хозяйству и т. д.

Концепция «конвергенции» в ее социально-культурном варианте впервые была изложена американским социологом П. Сорокиным. Еще в 1944 г. им было высказано предположение, что в недалеком будущем произойдет социально-культурное сближение СССР и США. В 1960 г., возвращаясь к этой мысли, он писал: «...Западные государства и государства с советским строем за последние три десятилетия в значительной мере утратили свои специфические черты, причем они заимствовали друг у друга характерные, присущие каждому из них особенности. Обе формации постепенно сдавали свои позиции и становились все более похожими друг на друга в области культуры, социальных институтов и систем, в области создания духовных и материальных ценностей и средств к существованию. Это означает, что наблюдается постепенное сближение систем, существующих в Соединенных Штатах и Советском Союзе, а это приведет к созданию промежуточной модели, отличной от коммунизма и от капитализма»¹. В книге «Основные тенденции нашего времени» П. Сорокин утверждал, что США и СССР взаимно конвергируют в направлении к смешанному «социокультурному» типу общества в таких областях, как естествознание и техника, общественные науки, философия, этика и уголовное право, образование, спорт и отдых, изобразительное искусство, религия, брак и семья, экономическая система; социальные отношения и политическая система.

«Лидеры Запада уверяют нас, — писал он, — что будущее принадлежит капиталистическому («свободное предпринимательство») типу общества и культуры. В

¹ P. Sorokin. Soziologische und kulturelle Annäherungen zwischen den Vereinigten Staaten und der Sowjetunion. — «Zeitschrift für Politik», 1960, № 4, S. 342.

противоположность этому лидеры коммунистических партий самонадеянно ожидают победы коммунизма в ближайших десятилетиях. В отличие от обоих этих предсказаний я склонен думать, что если человечество избежит новых мировых войн и сможет преодолеть современное критическое положение, то возникающий ныне тип общества и культуры окажется, вероятно, не капиталистическим и не коммунистическим, а тем своеобразным типом, который мы можем определить как интегральный. Этот тип, очевидно, явится чем-то средним между капиталистическим и коммунистическим строем и образом жизни, включающим лучшие черты каждого из них»¹.

Таким образом, из рассуждений Сорокина вытекает, что в своих чистых формах ни капитализм, ни социализм не могут обеспечить наилучших результатов в общественной жизни. Согласно выдвинутому им закону «социальных изменений», капиталистические и социалистические страны в конечном счете якобы должны перерасти в общество смешанного «социокультурного», «интегрального» типа.

В общественно-экономическом варианте концепция «конвергенции» представлена в работе Уолтера Бакингема «Теоретические экономические системы — сравнительный анализ» (1958 г.). Американский экономист утверждал, что «функционирующие экономические системы не расходятся, а, напротив, все более сближаются друг с другом»². На основании этого он сделал следующий вывод: «Три из четырех основ капитализма, вероятно, будут перенесены из чистого капитализма во вновь возникающую систему. Во-первых, частная собственность на капитальные сооружения и оборудование... Во-вторых, экономические стимулы и мотивы прибыли... В-третьих, рыночная система как главный механизм для контроля над распределением товаров и услуг»³.

В 60-х годах концепция «конвергенции» в работах ряда буржуазных ученых получила дальнейшую интерпретацию. Суть ее заключается в следующем. Пути

¹ P. Sorokin. The Basic Trends of Our Times. New Haven, 1964, p. 78.

² W. Buckingham. Theoretical Economic Systems. A Comparative Analyse. N. Y., 1958, p. 26.

³ Op. cit., p. 485.

сближения социализма и капитализма могут быть различными. Один из них — постепенное приближение капитализма к социализму, которое начинается с внедрения элементов программирования и планирования в экономику. Другой путь состоит якобы в том, что социалистические страны, принимая частное предпринимательство, рыночное хозяйство, буржуазный образ жизни, будут сближаться с капиталистическими странами. И наконец, большинство сторонников этой концепции исходит из того, что человеческое общество развивается в направлении социальной организации более совершенного образца, чем капитализм и социализм «оптимального типа», что произойдет интеграция двух общественных систем. В результате «общество будущего» соединит в себе социалистическое плановое хозяйство с капиталистическим рыночным, подлинную демократию трудящихся с инициативой предпринимателей, социальную уверенность и законность с высоким уровнем жизни.

Так, немецкий экономист К. Тальхейм писал: «Сближение систем может происходить, естественно, различными способами. Или так, что обе системы развиваются навстречу друг другу в известной степени равными темпами и сходятся где-то в центральном пункте; или, возможно, система А изменяется в направлении системы Б, в то время как Б остается неизменной или изменяется только слегка; или же Б изменяется в направлении А, в то время как А остается неизменной»¹. Допуская возможность различных вариантов «конвергенции», Тальхейм, однако, считал, что социализм движется в сторону капитализма, подвергаясь «либерализации» и перерождению. Это был вариант «конвергенции» социализма и капитализма на базе капиталистической системы хозяйства.

Голландский политолог Ян Тинберген, исходя из молчаливого признания успехов социализма и из того, что капитализм не может существовать вечно, в 1965 г. попытался обосновать идею о развитии обеих систем «в направлении определенной оптимальности, в направлении системы, которая лучше и чистого капитализма и

¹ К. С. Thalheim. Konvergenz der westlichen und östlichen Wirtschaftssysteme? — «Gesellschaftliche Entwicklungstendenzen in Ost Europa». Z. und St., 1969, S. 67—68.

чистого социализма в прежнем понимании». В 1969 г. он вновь подтвердил свои представления по данному вопросу. «Уже давно господствует взгляд, — писал он, — что для Востока и Запада существует только одна физика, и мог бы постепенно прививаться взгляд, что, собственно, имеется теперь также и одна экономика»¹.

Ян Тинберген считает, что каждая социально-экономическая система набирается опыта и пытается изжить свои слабые места, при этом они начинают во все возрастающей степени оказывать взаимное влияние друг на друга. В капиталистических странах оно будет выражаться в расширении общественного сектора экономики, ограничении свободной конкуренции, возрастании значения налогообложения как средства регулирования экономической деятельности, а в социалистических странах — в широком развитии специализации производства, признании роли цен, стоимости и выгоды в хозяйстве. Согласно Тинбергену, и на Западе и на Востоке благодаря научно-техническому прогрессу будет увеличиваться производство, ориентированное на массовое потребление, усилится концентрация производства, сблизятся методы подготовки кадров, возрастет значение материальных стимулов в труде и т. д.

Авторы различных вариантов концепции «конвергенции» пытаются выдать ее за результат «научного» обобщения социально-политических и социально-экономических изменений современной действительности. Однако вопреки этим утверждениям концепция «конвергенции» не является исторически новой.

В известной мере ей предшествовала социал-демократическая теория «постепенного вращивания капитализма в социализм». Эдуард Бернштейн и другие оппортунисты II Интернационала выдвинули пресловутую «программу постепенного введения социализма» путем усиления борьбы за экономические реформы (повышение зарплаты, сокращение рабочего дня и т. п.) без революционного устранения капитализма, более того, путем приспособления к нему.

В 1920 г. Отто Бауэр в работе «Большевизм или социал-демократия» заявил, что должна произойти «кон-

¹ J. Tinbergen. Die Tendenzen im ökonomischen Denken Osteuropas. — «Gesellschaftliche Entwicklungstendenzen in Ost Europa». Z. und St., 1969, S. 62.

вергенция» различных общественных систем. По его мнению, русский социализм все больше будет приобретать демократические черты, а западноевропейский капитализм — социалистические.

В 1941 г. Джеймс Бэрнхэм в книге «Революция управляющих» писал о тенденциях к образованию так называемого «общества менеджеров». Американский политолог полагал, что права капиталистов на частную собственность исчезают и система прибыли деградирует, а история движется к той или иной разновидности экономики, управляемой государством, в котором ведущую роль занимают менеджеры. Бэрнхэм утверждал, что, подобно тому, как угнетенное крестьянство не сменило феодалов в качестве правящего класса, а должно было вместе с ними уступить власть новому классу буржуазии, так и пролетариат не придет на смену буржуазии, а будет вынужден вместе с ней уступить власть менеджерам.

Однако, несмотря на известное возрастание в наше время роли технократов и менеджеров в управлении экономикой, реальная власть им не принадлежит. В условиях современного капитализма технические специалисты полностью зависят от монополистов — собственников основных средств производства, являются исполнителями их воли.

К такому выводу все чаще приходят и сами западные идеологи. Так, Ф. Бон и М.-А. Бюрнье в книге «Новые интеллигенты» считают, что аргумент самостоятельности менеджера по отношению к владельцам предприятий можно признать лишь с весьма существенной поправкой: менеджеры полностью независимы только по отношению к мелким акционерам. Крупные держатели акций имеют полную возможность контролировать политику фирмы, и эта потенциальная возможность вмешательства, конечно, влияет на позицию менеджера, который обычно не рискует идти на конфликт. «Технократы работают на систему, в основе которой лежит частная собственность на средства производства, они не пытаются подорвать ее, а, напротив, стремятся улучшить, укрепить, приспособить ее к условиям развитого индустриального общества»¹.

¹ См. F. Bon, M.-A. Burnier. Les nouveaux intellectuels. P., 1966, pp. 161—202.

Социально-политическая направленность как старых, так и новых вариантов концепции «конвергенции» одна и та же: они призваны затушевать принципиальные различия между капитализмом и социализмом, запроектировать будущее без существенного изменения природы капитализма, побудить рабочий класс и его союзников отказаться от классовой борьбы, социалистической революции для достижения своей конечной цели, опорочить страны, идущие по коммунистическому пути, доказать, что в перспективе социализм якобы будет поглощен государственно-монополистическим капитализмом. Этого не скрывают и сами буржуазные политологи. «Большинство теоретиков конвергенции, — писали, например, З. Бжезинский и С. Хантингтон, — фактически имеют в виду не конвергенцию двух систем, а исчезновение другой системы»¹.

В западногерманском пресс-бюллетене «Парламентарий-политикер пресседист» от 4 февраля 1970 г. была опубликована статья «Москва изменяет свою европейскую стратегию». В этой статье откровенно признавалось, что концепция «конвергенции» направлена на ослабление социалистического строя, упразднение основных положений социалистического общества, таких, как диктатура пролетариата и руководящая роль партии, государственная социалистическая собственность.

Но как бы ни тешили себя идейные противники марксизма-ленинизма надеждами на такого рода слияние капитализма и социализма, оно не произойдет. Дело в том, что экономическую основу буржуазных стран составляет частнокапиталистическая собственность на крупные средства производства. Целью производства в этих странах является получение финансовой олигархией максимальной прибыли. Политическая власть при капитализме принадлежит монополистической буржуазии. Экономической же основой стран социализма выступает общественная собственность на средства производства. Целью производства в новом обществе является забота о благосостоянии трудового человека, удовлетворение в разумных пределах его материальных и духовных потребностей, всестороннее развитие личности. Политическую власть в странах соци-

¹ Z. Brzezinski, S. Huntington. Politische Macht. USA/UdSSR, Köln—Berlin, 1966, S. 450.

алистического содружества осуществляют трудящиеся массы, возглавляемые рабочим классом и его авангардом — марксистско-ленинскими партиями. Социализм — будущее всего человечества. Капиталистические страны придут к нему только на основе революционного преобразования социально-экономической структуры общества, по свободному выбору народов.

В совместном заявлении делегаций Коммунистической партии Советского Союза и Французской коммунистической партии отмечается, что социализм подготовлен всем ходом развития современного общества. Социализм, как это вытекает из его принципов и как это уже доказано на практике, является единственной системой, соответствующей требованиям и возможностям экономического и социального развития. Он и только он отвечает законным чаяниям трудящихся и всего народа в целом. Социализм — это будущее всего человечества¹.

В Итоговом документе Конференции коммунистических и рабочих партий Европы «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе» отмечается, что в капиталистических странах все сильнее развивается борьба рабочего класса и других демократических и антимонополистических сил. «Эта борьба направлена против основ господства монополистического капитала... Все более широким слоем общественности становится очевидной историческая необходимость смены капиталистического общества социалистическим обществом, создаваемым в соответствии с волей каждого народа»². И далес: «Экономическая и социальная структура капиталистического общества вступает во все большее противоречие с потребностями трудящихся и народных масс, а также с требованиями социального прогресса и демократического и политического развития»³.

Позиции империализма, природа которого не изменилась, в наше время значительно ослабли. «Это находит свое выражение в том, что он уже не в состоянии ни перечеркнуть исторические завоевания социализма, ни

¹ См. «Правда», 6 июля 1971 г.

² «Коммунист», 1976, № 10, стр. 19—21.

³ Там же, стр. 21.

остановить продвижения вперед прогрессивных сил, движения за освобождение и независимость народов»¹.

Этот вывод, обобщающий практику международного революционного движения и свидетельствующий о полной научной несостоятельности концепции «конвергенции», не могут опровергнуть и ссылки на так называемую интегрирующую роль научно-технической революции в современном мире. Конечно, научно-техническая революция оказывает огромное воздействие на все стороны общественной жизни. Это воздействие в ряде случаев вызывает сходные социально-экономические последствия в капиталистических и социалистических странах.

Верно, что ныне научно-техническая революция развивается в условиях высокого индустриального производства, значительного роста интеллектуального потенциала, огромного расширения фронта научных исследований, практического использования не только отдельных научных открытий, но совокупного результата развития естественных, технических и общественных наук, проникновения их во все сферы производства, управления, культуры, социально-политической, экономической и духовной жизни общества.

Верно также, что НТР гигантски ускоряет процесс обобществления производства, содействует возрастанию общественного характера производительных сил, раскрывает невиданные прежде возможности расцвета материальной и духовной жизни человечества. Овладение новыми достижениями науки и техники позволяет не только полностью удовлетворить насущные жизненные потребности людей, избавить их от голода, болезней, тяжелого труда, но и увеличить продолжительность жизни, усовершенствовать биологическую природу человека.

Превращение науки в непосредственную производительную и социальную силу создает предпосылки для постоянного обновления условий жизни и труда людей, всестороннего их развития. В условиях научно-технической революции более, чем когда-либо ранее, становится возможным осуществление научной организации общественной жизни, которая ограничила бы воздействие

¹ «Коммунист», 1976, № 10, стр. 20.

стихийных сил, позволила максимально быстро и безболезненно ликвидировать диспропорции, возникающие в общественном развитии.

Но внешне сходные процессы развития современной научно-технической революции отнюдь не доказывают «конвергенции» капитализма и социализма.

Капитализм и социализм подходят с противоположных позиций к использованию достижений научно-технической революции, обладают совершенно различными возможностями воздействия на ход научно-технического прогресса.

Еще К. Маркс отметил, что использование результатов науки и техники определяется природой общественного строя, а не наукой и техникой самими по себе. «Противоречий и антагонизмов, которые неотделимы от капиталистического применения машин, — писал К. Маркс, — не существует, потому что они происходят не от самих машин, а от их капиталистического применения... Машина сама по себе сокращает рабочее время, между тем как ее капиталистическое применение удлиняет рабочий день... сама по себе она облегчает труд, капиталистическое же ее применение повышает его интенсивность... сама по себе она знаменует победу человека над силами природы, капиталистическое же ее применение порабощает человека силами природы... сама по себе она увеличивает богатство производителя, в капиталистическом же применении превращает его в паупера и т. д.»¹.

При капитализме невозможно использовать результаты НТР в интересах всего народа, поскольку они вступают в непримиримое противоречие с самими принципами этого общества, основанного на частной собственности на орудия и средства производства, на власти буржуазии. Система капиталистических отношений с ее антагонизмом частных и общественных интересов, конкуренцией монополий, «экономикой прибыли», частного предпринимательства несовместима с характером научно-технической революции, с теми перспективами и требованиями, которые открывают современные общественные производительные силы. При капитализ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 451—452.

ме результаты громадного повышения эффективности общественного труда, полученные за счет использования достижений мировой науки и техники, распределяются таким образом, что львиная их доля достается миллиардерам и миллионерам, а трудящиеся должны довольствоваться «уступками», завоеванными в жестокой классовой борьбе. В этом обществе достижения науки используются главным образом для интенсификации труда, усиления эксплуатации трудящихся, милитаризации экономики, укрепления политической и экономической власти господствующей верхушки.

И сколько бы ни твердили буржуазные идеологи и ревизионисты о том, что НТР автоматически ведет к ликвидации социальных противоречий, установлению «классового мира», «общества всеобщего благоденствия»¹, в капиталистических странах это оказалось мифом. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии говорится: «Теперь все видят: опровергнут один из главных мифов, созданных реформистами и буржуазными идеологами, — миф о том, будто капитализм наших дней способен избавиться от кризисов. Нестабильность капитализма становится все более очевидной. Обещания «оздоровить» капитализм и создать в его рамках «общество всеобщего благоденствия» потерпели очевидный провал»².

Концентрация производства, рост производительных сил, внедрение достижений науки во все отрасли хозяйства при капитализме ведут к еще большему углублению антагонизма между трудом и капиталом, между общественным характером производства и частной формой присвоения, к возникновению новых противоречий между невиданными ранее возможностями роста производительных сил, создаваемыми НТР, и препятствиями, которые государственно-монополистическая организация общества выдвигает на пути использования и реализации этих возможностей в интересах трудового народа.

¹ По мнению буржуазных идеологов, сущность «государства всеобщего благоденствия» определяется как охраняемые правительством минимальные стандарты дохода, питания, здравоохранения, жилищного строительства и образования, получаемые каждым гражданином как политические права, а не как благотворительность.

² Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, стр. 28.

Наличие таких противоречий сегодня признается и учеными буржуазных стран. Так, например, американский социолог Натан Бирнбаум, отмечая, что объективно экономический рост мог бы способствовать улучшению общих условий жизни людей в обществе, говорит о тех негативных явлениях, которые имеют место в капиталистическом обществе. «...Система, — пишет он, — требует все больших и больших возможностей для поддержания собственной жизнедеятельности. Иными словами, большая часть производимого богатства должна вкладываться обратно, в более новые формы технического производства. По-видимому, еще более важно то, что богатство, создаваемое системой, внутри общества распределяется крайне неравномерно... Более того, в обществах, не имеющих системы общего планирования... экономический рост в одном секторе сопровождается социальным обнищанием в другом. Ухудшение качества окружающей среды показывает, что «процветающее» общество может подточить само себя»¹.

Только социализм является системой, адекватной потребностям развития НТР. «...В условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление. В свою очередь, только на основе ускоренного развития науки и техники могут быть решены конечные задачи революции социальной — построено коммунистическое общество»². Экономические и социальные процессы при социализме происходят на основе планирования и в интересах народных масс, наука и техника получили широчайшие, принципиально новые возможности для своего развития и применения.

Научно-техническая революция несет с собой коренные преобразования в производстве, его технике, технологии, содержании и характере труда, оказывает существенное влияние на всю систему народнохозяйственного и общественного управления, дальнейшее повышение благосостояния народа и развитие духовной жизни общества, коммунистическое формирование личности.

¹ Н. Birnbaum. Toward Critical Sociology. N. Y., 1973, p. 397.

² Материалы XXV съезда КПСС, стр. 47.

При социализме внедрение новейших завоеваний науки и техники в производство повышает значение и «человеческого фактора» — отношения к труду, знаниям, квалификации. В противоположность буржуазному обществу, где прогресс науки и техники все больше и больше низводит массу людей в разряд излишнего населения, ограничивает свободу трудящихся, научно-техническое развитие в условиях социалистического общества освобождает человека от монотонного, тяжелого, лишнего всякого интеллектуального содержания труда, умножает его творческие силы и способности, расширяет свободу личности. Все это, в свою очередь, становится важным условием дальнейшего научно-технического и социального прогресса.

Таким образом, научно-техническая революция никак не может служить основанием для сближения капитализма и социализма. Не служит им и использование товарно-денежных инструментов в странах социализма.

В социалистических странах ведущим и определяющим является централизованное планирование. Такие категории, как прибыль, кредит и другие, используются в интересах укрепления планового руководства народным хозяйством и развития инициативы предприятий и объединений на началах хозяйственного расчета и не имеют ничего общего с «возвращением к частному предпринимательству».

Тенденцию к программированию и прогнозированию производства, которая обозначилась ныне в ряде капиталистических стран, тоже нельзя отождествлять с социалистической плановой системой.

В условиях капитализма государственное регулирование или программирование представляет собой одну из форм финансового воздействия буржуазного государства на экономику, является попыткой полностью подчинить ее развитие интересам крупных капиталистических монополий, обеспечить наилучшие условия в конкурентной борьбе, предсказать конъюнктуру рынка. «Буржуазное государство, — пишет французский социалист Жюль Мок в книге «Социализм в атомный век» — может оказывать влияние на капиталистическую экономику, но лишь в довольно узких пределах и при условии, что его вмешательство не посягает непо-

средственно на интересы наиболее мощных группировок...»¹.

Экономическое программирование обычно развивается в тех странах, где доля средств, проходящих по различным государственным каналам (бюджет, национализированные банки, страховые компании, сберегательные кассы и т. д.), составляет не менее одной трети национального продукта. Если же доля государственных инвестиций достигает 12—14%, то в таких странах (США, Канада, Швеция и другие) имеет место лишь прогнозирование экономического роста.

Опыт показывает, что с помощью государственно-монополистического регулирования нельзя преодолеть кризис капиталистического общества, изменить объективные законы его функционирования и развития, устранить присущие ему пороки. Капитализм с его «принципом свободы конкуренции не может личную инициативу подчинить задачам общегосударственного плана»².

Для охвата всего народного хозяйства подлинным планированием необходимо иметь не только высокий уровень производительных сил, развитую систему общественного разделения труда, но и принципиально новые производственные и другие социальные отношения, основывающиеся на общественной собственности и политической власти самих трудящихся. В странах социализма планы являются выражением социально-экономической политики коммунистических и рабочих партий, основным средством общегосударственного управления и руководства обществом. С помощью социально-экономического планирования решаются задачи подъема экономики, духовного роста, всестороннего развития личности, обеспечивается рациональное размещение производительных сил, использование природных, трудовых, материальных и финансовых ресурсов, достижений науки и техники.

Не могут выступать в роли определяющего социального фактора «конвергенции» двух систем также образ и качество жизни.

Некоторые буржуазные идеологи и политики пола-

¹ J. Mock. Socialisme de l'ère Atomique... P., 1974, p. 147.

² Ibid.

гают, что образ и качество жизни высокоразвитых капиталистических стран сыграют существенную роль в модернизации социально-экономических институтов социализма по западному образцу. Так, сенатор Эдвард Кеннеди в статье «Что должно следовать за разрядкой напряженности», опубликованной в осеннем номере ежеквартального журнала «Форин полиси» за 1974 г., писал: «В конце концов прочность наших двух обществ (СССР и США. — Н. П.) будет подвергнута испытанию не в категории соответствующего военного, политического или даже экономического могущества: решающее значение будет иметь то, какую жизнь имеют возможность вести наши два народа».

Однако образ жизни — это не самостоятельное, автономное явление. Это устойчивая совокупность основных условий и форм жизнедеятельности людей определенной общественно-экономической формации. Такими характеристиками являются отношения людей в процессе их труда и быта, материальные и духовные условия и формы жизни, социальные потребности и способы их удовлетворения.

Капитализм и социализм противоположны в сфере образа и качества жизни, подобно тому как они противоположны в социально-политическом и экономическом отношениях.

Капиталистическое общество, основным законом которого является получение максимальной прибыли, не в состоянии удовлетворить материальные и духовные потребности трудящихся масс. Интересы монопольных корпораций коренным образом противоречат интересам рабочего класса и его союзников.

Социалистическое же общество своей главной целью считает создание необходимых условий для все возрастающего удовлетворения потребностей человека, для его всестороннего развития и неограниченного духовного совершенствования.

Являясь качественно новой и пока самой высшей формой человеческого общежития, социалистический образ жизни сложился под влиянием социалистических преобразований, развития новых общественных отношений. Он включает в себя материальные и социальные условия труда и отдыха людей, взаимоотношения между обществом, трудовыми коллективами и личностью, нрав-

ственные и правовые нормы, культурные ценности, высокий качественный уровень жизни трудового народа. Определяющими чертами социалистического образа жизни, наиболее полно показывающими преимущества социализма перед капитализмом, являются свободный, самоотверженный, сознательный труд на благо общества и творческое отношение к труду, коллективистский уклад всей жизни, забота общества о человеке и ответственность человека перед коллективом, перед обществом, активное участие людей в общественной жизни, управлении государством, высокий уровень удовлетворения растущих потребностей общества в сфере услуг, здравоохранения, культуры, образования, отдыха. В социалистическом образе жизни воплощаются принципы научного, марксистско-ленинского мировоззрения, благородные идеи интернационализма, дружбы и братства народов, безграничная преданность людей коммунистическим идеалам, социалистической Родине, их оптимизм и уверенность в будущем. Л. И. Брежнев подчеркивает: «Атмосфера подлинного коллективизма и товарищества, сплоченность, дружба всех наций и народов страны, которые крепнут день ото дня, нравственное здоровье, которое делает нас сильными, стойкими, — таковы яркие грани нашего образа жизни, таковы великие завоевания социализма, вошедшие в плоть и кровь нашей действительности»¹. Таким образом, противоположность социалистического и буржуазного образа жизни не дает никаких оснований для конвергенции капитализма и социализма.

Необходимо отметить, что критическое отношение к концепции «конвергенции» двух социально-экономических систем — капитализма и социализма — все чаще проявляется и в работах многих буржуазных идеологов. Однако это отнюдь не означает их действительного отказа от самой сущности этой концепции.

Так, З. Бжезинский и С. Хантингтон пишут: «Политическая организация общества в СССР и в США, каждая в своем духе, добилась огромных успехов. Именно поэтому они вряд ли подвергнутся коренным изменениям. Каждая здоровая политическая организация изменяется, но когда изменение происходит постепенно, она подвергается влиянию и прошлого и настоящего. Если

¹ Материалы XXV съезда КПСС, стр. 87.

не удастся доказать, что в развитии США и СССР произошел или произойдет резкий поворот, или если не удастся доказать, что модели развития обеих систем в прошлом являются в основном одинаковыми, то тогда сам факт их эволюции делает конвергенцию маловероятной. Слишком большим упрощением было бы сводить всю сложность человеческого состояния к одной-единственной социально-экономической или политической форме. Похоже на то, что в будущем мы будем наблюдать эволюцию, а не конвергенцию двух систем»¹.

Бжезинский и Хантингтон считают, что в концепции «конвергенции» переоценивается роль экономических факторов (роста производства средств массового потребления, последствий материального изобилия, растущих международных экономических связей и особенно промышленного развития). По их мнению, «демократизация» социалистического общества по буржуазному типу произойдет не в результате технического или экономического развития, а лишь вследствие политических реформ, прежде всего в результате устранения «идеологической и политической монополии правящей партии»². В книге Бжезинского «Альтернатива разделения» говорится: «Желаемые преобразования могут начаться с внутренней либерализации восточноевропейских государств. Лишь тогда эти страны вместе с Советским Союзом начнут медленно вращаться в расширяющуюся Европу»³.

Как видим, критикуя концепцию «конвергенции», авторы на деле добиваются перерождения нового общества, стремятся направить его по капиталистическому пути.

Некоторые буржуазные идеологи высказывают мысль, что концепция «конвергенции» построена на ложном допущении. Так, западногерманский политолог Э. Мерц в статье «Конвергенция систем в исторической перспективе» пишет: «Нельзя умалчивать, что в теории конвергенции возможна фатальная конструктивная

¹ Z. Brzezinski, S. Huntington. Political power. USA—USSR. N. Y., 1964, p. 436.

² Z. Brzezinski, S. Huntington. Politische Macht, S. 425.

³ Z. Brzezinski. Alternative zur Teilung-neue Möglichkeiten für eine gesamteuropäische Politik. 1966, S. 170.

ошибка... Запад остается верен принципам частной собственности, рыночного хозяйства и различным формам буржуазной демократии. Восток, напротив, придерживается принципов общественной собственности, планового хозяйства и однопартийного государства. Развитие в плане конвергенции означает ослабление и постепенное сближение указанных категорий. Однако в настоящее время этот процесс сталкивается с огромными трудностями»¹.

Отсюда Мерц делает вывод об ограниченности концепции «конвергенции». Нельзя полагать, утверждает он, что в обозримом будущем капитализм и социализм будут развиваться в направлении к единой системе путем смешения элементов обеих систем.

Д. Вольф в статье «Россия и США: вызов теории конвергенции» более вероятным считает развитие общественных систем под влиянием собственного наследия, традиций и уклада жизни, которые будут больше «сохраняться и изменяться под воздействием людей, чем под влиянием вещей»².

Примерно такую же точку зрения на конвергенцию двух систем высказал западногерманский политолог и футуролог О. К. Флехтайм. В работе «Современная история и политика будущего» (1974 г.)³, указывая на некоторые признаки, которые, по его мнению, ведут к синтезу двух систем (деидеологизация, технократизация и т. п.), он в то же время считает, что сейчас обе системы стабильны и речь может идти лишь о некоторых сдвигах внутри каждой из них.

Критически относятся к концепции «конвергенции» многие буржуазные философы и социологи. Так, например, продолжая оставаться на старой теоретической позиции «единого индустриального общества», французский социолог Раймон Арон вынужден, считаясь с реальными фактами, несколько модернизировать свои взгляды. В книге «Какой кризис? Какое общество?» Арон заявляет, что ни тогда, когда он писал 18 лекций

¹ E. Marz. Konvergenz der System — in historischer Perspektive. Gewerkschaftliche Monatshefte. Köln 1970, H. 12, S. 706—707.

² D. Wolfe. Russia and the USA: a challenge to the Convergence Theory. — «Quest», July—Sept., 1970, № 66, p. 62.

³ O. K. Flechtheim. Zeitgeschichte und Zukunftspolitik, Hamburg, 1974.

об индустриальном обществе, ни сейчас он «по существу, не верил в возможность слияния советского и западного типа общества». По его словам, в своих лекциях он преследовал единственную цель: «показать сходность некоторых элементов и институтов обоих типов общества»¹.

А. Турен также заявляет, что абсолютно не верит в «конвергенцию». «По мере своего развития, — считает он, — советский и западный тип общества будут все более и более отличаться друг от друга»².

ФЕТИШИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА И БУРЖУАЗНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ

Не признавая материалистического детерминизма, в основе которого лежит в конечном счете экономическая обусловленность социальных явлений и процессов, сторонники теорий «общества нового типа» стремятся избежать анализа диалектического взаимодействия базиса и надстройки, способа производства и других сторон общественной жизни. Переводя рассмотрение социальных проблем капиталистического общества с фундаментального уровня на уровень «технологического детерминизма» и производных от него явлений и процессов, они пытаются доказать, что развитие общества, его переход от низших ступеней к высшим определяются не изменениями в экономическом базисе и не таким динамическим фактором, как противоречие между общественными производительными силами и производственными отношениями, выражающееся в классовой борьбе, а совершенно другими факторами.

Так, американский экономист Уолтер Ростоу в работе «Политика и стадии роста» (1971 г.) среди признаков, отличающих друг от друга различные «стадии экономического роста», называет степень развития техники, отраслевую структуру экономики, удельный

¹ R. Aron, F. Chatelée, R. Dumon e. a. *Quell Crise? Quell Société?* Grenoble, Presses, universitaires de Grenoble, 1974, p. 40.

² *Ibid.*, p. 125.

вес инвестиций в национальном доходе, характер потребления. Д. Белл в работе «Приближение постиндустриального общества» выделяет пять его основных показателей: переход от экономики производства товаров к экономике услуг; преобладание «класса» специалистов и техников; первенство теоретического знания; планирование технологического роста; создание новой интеллектуальной технологии¹.

Игнорирование определяющей роли способа производства, структуры производственных отношений в развитии общества приводит к исходной посылке, сформулированной У. Ростоу: экономические факторы в общественном прогрессе не «играют сколько-нибудь особой главенствующей роли»².

На основе научного и технического фетишизма сторонниками теорий «общества нового типа» строится схема, согласно которой технический прогресс независимо от конкретных социально-экономических условий становится непосредственным источником развития производства и общества в целом. Д. Белл пишет: «Техника, как мы сейчас знаем, является основой производительности, которая так трансформирует экономическую жизнь, как не мог себе представить ни один представитель классической политической экономии»³. Это первый, наиболее общий признак, присущий теориям «общества нового типа».

Следующим признаком, объединяющим эти теории, является отказ рассматривать рабочий класс в качестве ведущей активной социальной силы, определяющего фактора общественного развития, мирового революционного процесса. Буржуазные идеологи доказывают, что в условиях небывалого научно-технического прогресса и быстрого роста высококвалифицированных специалистов рабочие якобы все в большей степени переходят в «средний класс», интегрируясь таким образом в систему буржуазного общества. Улучшение материального положения рабочего класса, завоеванное им в упорных клас-

¹ D. Bell. The Coming of Post-Industrial Society. — A Venture in Social Forecasting. Basic Books. N. Y., 1973, p. 14.

² W. W. Rostow. Politics and the Stages of Growth. Cambridge at the University Press, 1971.

³ D. Bell. The Coming of Post-Industrial Society, p. 191.

совых битвах, в результате забастовок и массовых выступлений, провозглашается исключительно следствием научно-технического прогресса.

Авторы книги «Рабочий при «постиндустриальном» капитализме» утверждают, что государственно-монополистическая олигархия и научно-технический прогресс при капитализме обусловили появление такого рабочего класса, который якобы перестал быть «субъектом революционного изменения общества»¹. Далее в книге говорится, что «революционные потенции органически несовместимы с интересами общества» и становятся неосуществимыми в результате «социальной напряженности, создаваемой научно-техническим прогрессом»². Вследствие этого значительная часть рабочих будто бы адсорбируется в «средний класс», проникается его стилем жизни и ценностями, а среди остальных рабочих «растет тенденция к идентификации себя с капиталистическим предприятием»³.

Д. Белл и Р. Арон относят к рабочему классу только лиц самого низкого уровня знаний. Для них рабочее — это исключительно люди физического труда.

Псевдотеоретические рассуждения буржуазных социологов об определяющей роли техники и науки в развитии современного общества преследуют одну цель — доказать, что основным активным слоем общества становятся представители интеллектуальных профессий. Согласно Беллу, именно они «основа индустриального общества», так как незаменимы с точки зрения его функционирования⁴.

Однако такая фальсификация реальной расстановки сил в капиталистическом обществе не находит поддержки даже у буржуазных коллег Белла.

Так, американский социолог Льюис Козер в докладе на годичном собрании АСА в Монреале (1974 г.), признавая резкое возрастание численности и роли высококвалифицированных специалистов, тем не менее отмечал: «Государственные и частные агентства, нанимающие и финансирующие их... фактически могут в боль-

¹ B. Silverman, M. Janowitch (eds). The worker in «Post-Industrial» Capitalism. New York, Free Press, 1974, p. XXI.

² Ibid., p. 15.

³ Ibid., p. 114—116.

⁴ D. Bell. Op. cit., p. 17.

шей степени направлять их деятельность, чем они сами...» Достоин скептицизма, продолжает он, представление о том, что «сословия», связанные со знанием, приобретают вес только потому, что все мы зависим от них.

Эту точку зрения разделяет и другой американский социолог, Натан Бирнбаум. Он считает, что само по себе повышение уровня квалификации и знания в среде рабочих и служащих в условиях капиталистического общества отнюдь не достаточно для получения «большого контроля над профессиональной деятельностью»¹.

Фетишизируя значение науки и техники и преувеличивая роль представителей интеллектуальных профессий в развитии современного общества, сторонники теорий «общества нового типа» игнорируют и изначально свойственный капитализму классовый антагонизм, не признают противоречий между трудом и капиталом. Социальные конфликты переносятся ими в иные формы жизнедеятельности общества. По их мнению, в современном обществе конфликтующими сторонами становятся интеллектуальные и малообразованные слои. Таким образом, конфликт из общественного превращается в локальный, который якобы разрешается при помощи различных технологических средств. В связи с этим буржуазные идеологи утверждают, что радикальные требования переустройства общества больше не находят отклика не только среди рабочих, но и среди интеллектуальной элиты.

В действительности же одно из важнейших социальных последствий современной научно-технической революции состоит в том, что она приводит к росту рабочего класса, в том числе и за счет новых профессий, порожденных современным производством, к резкому возрастанию его роли во всех сферах производства и общественной жизни. В настоящее время только в ведущих капиталистических странах насчитывается более 200 млн. рабочих — в 20 раз больше, чем имелось их во всех странах мира в середине XIX в., а отряд мирового рабочего класса насчитывает 600 млн. человек².

В то же время развернувшийся в странах капитала

¹ N. Birnbaum. The Crisis of Industrial Society. N. Y., 1969, p. 400.

² См. «Правда», 17 января 1976 г.

экономический кризис, переплетающийся с продовольственным, энергетическим и другими кризисами, тяжелым бременем ложится на плечи народных масс и в первую очередь рабочего класса. Рост дороговизны неумолимо сокращает реальные доходы населения. Даже по официальным данным ООН, свыше 15 млн. человек в развитых капиталистических странах лишены работы и живут со своими семьями за счет пособий. Миллионы людей вынуждены работать неполный рабочий день и т. д.¹

Рабочий класс отвечает на это усилением борьбы против крупного капитала, новым размахом забастовочного движения. Растут сознание и сплоченность, образование и культура рабочего класса, укрепляется его союз со всеми прогрессивными слоями и группами общества.

Рабочий класс — самая организованная, решающая производительная и социально-политическая сила современного общества. Занятый во всех важнейших сферах производства, он является основным создателем материальных ценностей, вносит наибольший вклад в создание национального дохода и умножение общественного богатства.

В своей революционно преобразующей деятельности рабочий класс опирается на все завоевания человеческой культуры, науки, техники, на союз с другими слоями трудового народа. Этому способствует его близость к психологии всякого трудящегося.

Автоматизация и кибернетизация производства содействуют росту технического образования, профессиональной квалификации, общей культуры и производственного опыта трудящихся. Высококвалифицированные рабочие все чаще осуществляют функции контроля и наблюдения за поточными линиями, агрегатами, то есть заняты преимущественно умственной деятельностью. В свою очередь, представители быстро растущего слоя научно-технической интеллигенции в силу своего объективного положения в производстве в психологическом и идеологическом отношениях все более сближаются с рабочим классом, все чаще разделяют его мировоззрение.

Высокий уровень развития современного рабочего

¹ См. «Правда», 25 февраля 1976 г.

класса, его значительно расширяющиеся функции в общественном производстве делают не только возможным, но и необходимым его активное участие в руководстве социально-экономической, политической и культурной сферами жизни общества, в принятии решений на всех уровнях и в контроле за их осуществлением. В условиях капитализма эта объективная необходимость вступает в непримиримые противоречия с институтом частной собственности, неограниченной властью монополистической олигархии. Для ее реализации нужны иные, то есть социалистические, производственные отношения и переход политической власти в руки трудящихся.

Не выдерживают критики и утверждения буржуазных идеологов об «интеграции» рабочего класса в условиях НТР в капиталистическую систему социальных отношений, об утере им своей революционности. Свидетельство тому — неуклонный рост политических и массовых движений трудящихся в капиталистических странах.

Рост противоречий современного капитализма приводит к усилению классовой борьбы. Если в период между двумя мировыми войнами в среднем за год бастовало 3,8 млн. человек, то в 1960—1970 гг. с учетом новых форм забастовочного движения ежегодно число забастовщиков в среднем составляло 53,4 млн. человек. В 1974 г. во всем капиталистическом мире бастовало не менее 65 млн. человек. Это подтверждает положение, высказанное на XXIV съезде КПСС: нынешние крупные битвы пролетариата как главного, наиболее сильного противника власти монополий, как центра притяжения всех антиимпериалистических сил против эксплуататорских порядков капитализма являются предвестником новых классовых битв, которые могут привести к фундаментальным преобразованиям, к установлению власти рабочего класса в союзе с другими слоями трудящихся. В Итоговом документе, принятом на Конференции коммунистических и рабочих партий Европы в Берлине, говорится: «Рабочий класс, трудящиеся капиталистической Европы борются за демократический выход из кризиса, который отвечает интересам народных масс и открывает путь к социалистическому преобразованию общества»¹.

¹ «Коммунист», 1976, № 10, стр. 21.

Таким образом, вопреки заверениям сторонников «общества нового типа» роль рабочего класса, его революционный потенциал в современных условиях неизмеримо возрастают. Этому способствует и постоянно укрепляющийся союз рабочего класса с интеллигенцией. В наше время, когда наука превращается в непосредственную производительную силу, интеллигенция все больше пополняет ряды работников наемного труда, ее социальные интересы все более переплетаются с интересами рабочего класса. Как отмечал Л. И. Брежнев, в результате классовых битв в последние десятилетия «возросли сила и авторитет рабочего класса, поднялась его роль как авангарда в борьбе за интересы трудящихся, подлинные интересы нации»¹.

Различные теории «общества нового типа» используются буржуазными идеологами для того, чтобы приукрасить капитализм и опорочить социализм и коммунизм, перечеркнуть объективные преимущества нового общества, притупить классовое сознание рабочих в капиталистических странах, отвлечь трудящихся от борьбы за коренное революционное переустройство эксплуататорского общества, подорвать влияние коммунистических партий. Они призваны ослабить стремление прогрессивных сил в развивающихся странах идти по некапиталистическому пути, убедить их в том, что в ближайшем времени произойдет сближение двух социально-экономических систем.

Да и сами авторы различных теорий «общества нового типа» не скрывают своей социально-политической ориентации и антимарксистской направленности, открыто называют свои теоретические построения альтернативой марксистско-ленинскому учению об общественно-экономических формациях, материалистическому пониманию исторического процесса.

Так, У. Ростоу откровенно заявляет, что его теория стадий экономического роста представляет собой альтернативу теории современной истории Карла Маркса. Она «призвана бросить вызов марксизму и вытеснить его как метод рассмотрения современной истории»². Д. Белл в книге «Культурные противоречия капитализ-

¹ Материалы XXV съезда КПСС, стр. 29.

² W. W. Rostow. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960, pp. 161, 121, 145.

ма» в противоположность историческому материализму историю общества делит на три эпохи: природную, техническую и социальную, — связанные соответственно с доиндустриальным, индустриальным и постиндустриальным обществами¹.

Но у марксизма, научного коммунизма не может быть никакой альтернативы, поскольку он является отражением объективных закономерностей общественного развития и полностью отвечает стремлениям рабочего класса, выражающего интересы всех трудящихся масс, интересы социального прогресса и общенародные интересы².

НАУЧНАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕОРИИ «ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА»

Когда стало ясно, что с помощью классической концепции «конвергенции» марксизм не может быть повержен, а социализм — скомпрометирован, буржуазные идеологи стали разрабатывать новые ее варианты. К ним относятся теории «единого индустриального общества» Р. Арона и «нового индустриального общества» американского экономиста Дж. Гэлбрейта.

Для теорий «индустриального общества», паразитирующих на достижениях современной НТР, характерны вульгарный экономизм и технический фетишизм, отрицание учения К. Маркса об общественно-экономических формациях; отказ от понятия классов и классовой борьбы и связанные с этим утверждения о нивелировании людей в капиталистическом обществе, утрате рабочим классом своей революционности, включении его в буржуазную систему общественных отношений; отождествление социальной революции с революцией научно-технической; замена политической власти властью технократической.

Согласно теориям «индустриального общества», в различных общественно-экономических системах под влиянием научно-технической революции происходят будто бы одни и те же процессы. В первую очередь это автоматизация и механизация промышленного производ-

¹ См. D. Bell. The Cultural Contradictions of Capitalism. L., 1976, pp. 147—148.

² «Коммунист», 1976, № 10, стр. 19.

ства, возрастание роли машин во всех сферах жизнедеятельности людей, увеличение административного аппарата и работников в сфере обслуживания; рост потребления, массовой культуры и системы средств массовой информации; зарождение сходных социальных и культурных институтов. История социального развития рассматривается идеологами «индустриального общества» в виде этапов, или стадий «экономического роста», различающихся между собой лишь уровнем производства, влиянием на него науки и техники. Следует отметить, что идея «индустриального общества», в сущности, не нова. Ее истоки восходят к началу XIX века. Клод Анри Сен-Симон, Огюст Конт, Герберт Спенсер и другие социологи и экономисты подразделяли человеческое общество на два этапа: «аграрный» и «индустриальный». При этом «индустриальное общество» противопоставлялось «аграрному».

В соответствии с теорией «единого индустриального общества» Р. Арон капитализм и социализм рассматривает как два варианта общества со все более сближающимися структурами.

«Сравнение советской и западной экономик, — писал Арон, — приводит к заключению, что многие важнейшие черты развития являются для них общими. Советская и американская экономики, рассматриваемые с позиций Азии, являются двумя различными вариантами одной и той же социальной формы; с точки зрения социального строительства и экономического развития обе они предусматривают индустриализацию, урбанизацию, обязательное начальное образование, распространение неполного и полного среднего образования... развитие семьи, отделение семейной жизни от работы, жилья от места работы, образование огромных производственных объединений, строгую дифференциацию социальных функций и т. д.»¹.

Основным признаком «единого индустриального общества» Арон считает накопление капитала: «Мы знаем на основании современного исторического опыта, что накопление капитала характерно не только для капиталистического, но вообще для всякого индустриаль-

¹ R. Aron. Ideology and Development. — «Encounter», 1964, p. 3.

ного (в том числе социалистического. — Н. П.) общества»¹.

По мере развития «индустриальных обществ» в различных общественно-политических системах, делает вывод в своей работе «Разочарование в прогрессе. Диалектика современного общества» Арон, «не произойдет распада капитализма и социализма. А эти системы только будут трансформироваться и дадут два различных варианта разрешения проблем, имманентных индустриальной цивилизации»². Как считает Арон, экономика советского типа по мере своего развития сближится с экономикой западного типа. Это значит, что экономика западного типа усвоит некоторые характеристики, именуемые социалистическими, тогда как экономика советского типа приобретет черты, именуемые капиталистическими, и т. д. Все это якобы приведет к стиранию существенных различий между «западным индустриальным обществом и советским обществом».

Противопоставив марксизму-ленинизму свою интерпретацию «имманентных законов» «единого индустриального общества», Р. Арон видит их суть в следующем тезисе: «...конфликты никогда не могут быть устранены, но революции оказываются анахронизмами. Экономическая система, будь то капиталистическая или социалистическая, укрепляется в процессе изменений, общих для обеих систем»³.

По мнению французского социолога, основными признаками, характеризующими «единое индустриальное общество», являются: высокий уровень удовлетворения материальных и духовных благ народа, его организованность; господство технократии, дендеологизация масс, то есть однообразие в мышлении и поведении людей.

Дж. Гэлбрейт в теории «нового индустриального общества» также исходит из того, что социализм и капитализм — это две индустриальные системы, которые в своем развитии постепенно сближаются. Уже в настоящее время, полагает он, «конвергенция двух как будто различных систем происходит во всех важней-

¹ Ibid., p. 98.

² R. Aron. Progress and disillusion. The dialectics of modern Society. N. Y., 1968, p. 37.

³ Ibid., p. 23.

ших областях»¹. А это приводит к появлению между двумя разновидностями «индустриального общества» многих общих черт: сходных форм планирования производственных единиц (фирм, корпораций, промышленных объединений), их определенной автономности; организации хозяйства, основанной на совместном групповом обсуждении проблем производства, сбыта, руководства и т. д.; наличия «техноструктуры», то есть совокупности организаторов производства, инженеров, технических работников, способных обеспечить планомерное, гармоническое развитие производства; централизованной подготовки кадров для различных сфер хозяйства, науки, образования, культуры.

По мнению Дж. Гэлбрейта, различные «индустриальные общества», основываясь на требованиях, диктуемых техникой и организацией производства, развиваются в «новые индустриальные общества». Новое индустриальное общество характеризуется наличием крупных объединений в виде корпораций, монополий, являющихся самой лучшей формой организации производительных сил; увеличенным выпуском продукции, ростом потребления; ускоряющимся техническим прогрессом государственной политики, направленной на укрепление этой системы с тем, чтобы она доставляла людям нужные товары и услуги в достаточном объеме.

На основе этих построений Дж. Гэлбрейт приходит к выводу, что улучшение материального положения рабочего класса привело к утрате его боеспособности и основным конфликтом в современном обществе является не конфликт между трудом и капиталом, а конфликт между интеллектуальными и необразованными людьми. Отсюда «все факторы, от которых, как ранее казалось, зависит революция, да и сама революция, утратили значение»².

Французский ренегат Р. Гароди в работе «Большой поворот социализма» (1969 г.) вслед за Гэлбрейтом развитие человеческой истории рассматривает с позиций теории «нового индустриального общества» и так же фетишизирует роль науки в общественном разви-

¹ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. М., 1969, стр. 454.

² См. там же, стр. 345.

тии. По его мнению, научный прогресс в современную эпоху становится движущей силой развития производства, предшествует ему и ведет его за собой вместо того, чтобы следовать за ним. Гароди выдвигает план концентрации сил, являющихся якобы носителями будущей человечества и будущей каждой нации — рабочего класса и нового «исторического блока», «нарождающегося в каждой стране». Именно перед этими силами он ставит задачу усовершенствования капитализма в Соединенных Штатах Америки, демократизации социализма в Советском Союзе и поисков новых критериев и новых методов развития стран «третьего мира»¹.

Для уменьшения разрыва между слаборазвитыми и промышленно развитыми странами, в том числе и социалистическими, Гароди предлагает создать в каждой стране свои оригинальные формы цивилизации и наряду с ними путем интеграции создать мировую «техническую цивилизацию». Координация и согласование между различными цивилизациями должны осуществляться не официальными национальными и международными организациями типа ООН или профсоюзов, а частными лицами — носителями решающей силы преобразования мира, прежде всего учеными и исследователями².

Чтобы подготовить США и весь мир к созидательному будущему, утверждает Гароди, необходимо реализовать программу реформ, которую «можно выполнить, не ставя под вопрос основные принципы и законы существующего режима, а, напротив, придавая им их полную действенность и осовременивая их, продолжая и обновляя традиции, обусловившие величие США; это еще не социализм, а улучшенный капитализм»³. Такую задачу он рекомендует выполнить молодым американцам.

Видя несоответствие между капиталистической действительностью и прогнозами развития человеческого общества, сделанными на основе современных теорий «индустриального общества», Дж. Гэлбрейт и другие

¹ R. Garaudy. Le Grand tournant du socialisme. Paris, 1969, p. 309.

² Ibid., pp. 310, 313, 314.

³ Ibid., p. 93.

буржуазные идеологи в последнее время несколько изменили свои первоначальные взгляды.

В новой книге «Экономика и общественная цель», изданной в 1973 г., Гэлбрейт уже не надеется на преобразование современного капиталистического общества только в результате индустриального развития и научно-технической революции. Для построения «общества будущего» он считает необходимым осуществление ряда реформ. Главная из них — «национализация государства», то есть использование его в интересах всех, а не только большого бизнеса. Он предлагает при демократическом контроле масс провести уравнивание доходов, ликвидировать нищету, обеспечить национализацию ряда отраслей хозяйства, шире внедрять планирование. Все это, по его мнению, приведет к торжеству «нового социализма», который якобы уже существует в американской индустрии¹. Более того, этот крупнейший буржуазный идеолог признает бесспорные преимущества социализма, заявляет о том, что социализм в США «перестал быть бранным словом» и Соединенные Штаты Америки якобы уже вступили в стадию перехода к социализму.

Это новый теоретический вывод американского буржуазного экономиста. Конечно, Гэлбрейт не отказался от концепции «конвергенции», но акценты в его теории переместились. Оставаясь сторонником «конвергенции» капитализма и социализма, он считает возможным сближение двух систем на базе «индустриального общества» социалистического типа, то есть либерального, «демократического социализма», понимаемого в духе правых социалистов. А доктрина «демократического социализма», как известно, предусматривает в области политической демократии достижение буржуазно-демократических свобод без изменения политической власти господствующих, эксплуататорских классов; в области «экономической демократии» — сосуществование общественной и частной капиталистической собственности, признание рынка как главного регулятора экономических отношений; в области социальной демократии — мирное сотрудничество капитала и труда, капиталистов и рабочих в едином обществе.

¹ K. Galbraith. Economics and the Public Purpose. Boston, 1973, pp. 222, 273, 285.

Наряду с современными теориями «индустриального общества» буржуазные идеологи предприняли попытку теоретически обосновать возможность дальнейшего существования государственного монополистического капитализма в виде закономерной стадии экономического развития. Такой стадией, вырастающей из «индустриального общества», являющейся своего рода альтернативой ему, было названо «массовое общество».

ТЕОРИИ «МАССОВОГО ОБЩЕСТВА» И КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Понятием «массовое общество» ряд буржуазных идеологов обозначает изменения, происшедшие в эпоху монополистического капитализма: распространение стандартизированной культуры через посредство системы средств массовой коммуникации, культ потребления, дальнейшее отчуждение личности, наличие бюрократии во всех сферах социальной жизни и т. д. «Массовое общество» — это такой тип общества, в котором человек утрачивает свое собственное «я», а бюрократическая организация социальной жизни противостоит человеку и его личности как тупая, чуждая ему сила. Касаясь основных положений данной концепции «массового общества», американский социальный психолог Эрих Фромм пишет: «Наше время может быть названо эпохой беспокойства, вызванного в первую очередь утратой человеком собственного «я»... Отчужденный человек испытывает чувство вины, если имеет собственное «я» и тем самым не похож на других людей, если чувствует себя живым среди автоматов, за то, что он личность, а не вещь»¹. Рисуя картину будущего человечества, он выражает взгляды, характерные для радикальной буржуазной интеллигенции 50—60-х годов: «В прошлом перед людьми стояла угроза стать рабами. В будущем — стать роботами»². Фромм не видит принципиального различия, существующего между двумя социальными системами: социалистической и капиталистической. Отсюда его вывод о том, что «массовое общество» или «общество стандартизированных людей» (роботов) — пер-

¹ E. Fromm. *The Sane Society*. London, 1959, pp. 204—205.

² *Ibid.*, p. 360. См. также его работу «*The anatomy of human destructiveness*». Greenwich, 1975, pp. 128—226.

спектива всего человечества, поскольку отчуждение, хотя и в не одинаковой форме, якобы господствует и на Западе и на Востоке. «Человек, — пишет он, — сегодня стоит перед наиболее фундаментальным выбором, но не между капитализмом и социализмом, а между роботизмом (как в капиталистической, так и в коммунистической его разновидности) и гуманистическим коммунистическим социализмом»¹.

Важной характерной чертой, в большей или меньшей степени присущей всем сторонникам теории «массового общества», является формальное признание разделения современного капиталистического общества на элиту и массу, политические, экономические, социальные и интеллектуальные различия между которыми якобы постепенно утрачивают свое бывшее существенное значение. Вопреки очевидным фактам, все возрастающему социально-экономическому неравенству между правящей верхушкой крупнейших капиталистических стран и остальной частью населения, американский буржуазный социолог Эдвард Шилз утверждает, что «одна из черт «массового общества» состоит в том, что по крайней мере до некоторой степени элита теперь разделяет основные стандарты масс... Отчасти это объясняется возрастанием политического влияния масс, а также ростом материального благосостояния, в конечном же счете укреплением моральных принципов и чувства собственного достоинства в простом народе»².

Пытаясь скрыть подлинные противоречия монополистического капитализма, он стремится доказать, что «массовое общество» характеризуется целостностью, под которой следует понимать феномен отсутствия антагонистических противоречий. «Историческая уникальность общества наших дней, — пишет он, — состоит в усвоении массами господствующего в обществе морального порядка. Роль масс ныне несводима к роли резервуара военной и рабочей силы или источника общественных беспорядков...»³. Масса стала носителем «рассеянной власти» — таков вывод Шилза.

Итак, «массовое общество» — общество с единой

¹ Ibid., p. 363.

² E. Shils. The Theory of Mass Society. In: America as a Mass Society. London, 1963, p. 38.

³ Ibid., p. 38.

моралью, якобы добровольно воспринятой всеми слоями для приведения его в состояние социального мира. Конфликты в этом обществе, согласно буржуазным идеологам, должны решаться путем соглашений и уступок с тем, чтобы не изменилось существо «новой» социальной общности. Подобная направленность на сохранение status quo характерна для всех адептов этой социальной доктрины, стремящихся выдать желаемое за действительное.

Исходя из общих положений теории «массового общества», американский буржуазный экономист Уолтер Ростоу выдвинул свой вариант концепции «массового общества», которое он именует «обществом высшего уровня массового потребления».

Согласно этому варианту, научно-техническая революция и экономический прогресс в СССР и США в принципе одинаковы, что определяет общее направление их развития по пути перехода к «обществу высшего уровня массового потребления». Что же касается различий между этими странами, то они относятся не к их сущности, а к уровню экономического роста. Он делит историю человеческого общества на пять стадий экономического роста: 1) «традиционное общество» — общество, основанное на традициях; 2) «переходное общество», то есть современные колониальные и полуколониальные страны; 3) «общество, переживающее процесс сдвига», или «модернизирующееся общество», страны, освободившиеся от колониальной зависимости и овладевающие основами современной цивилизации; 4) «созревающее», или «индустриальное общество»; 5) «общество высшего уровня массового потребления».

По мнению Ростоу, США первыми вступили в последнюю стадию развития общества, то есть достигли той степени экономической зрелости, когда общество перестает видеть в индустриализации свою основную социальную цель. «Главное внимание общества, — пишет он, — после того, как оно достигает стадии зрелости и идет дальше ее, перемещается от предложения к спросу, от проблем производства к проблемам потребления и благосостояния в самом широком смысле»¹.

У. Ростоу откровенно подчеркивает, что его теория

¹ W. Rostow. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto, p. 73.

«стадий экономического роста» непосредственно направлена против учения К. Маркса об общественно-экономических формациях. «Нашим стадиям, — заявляет он, — традиционному обществу, переходному обществу, модернизирующемуся обществу, индустриальному обществу и обществу высшего уровня массового потребления — мы противопоставляем марксов феодализм, буржуазный капитализм и коммунизм»¹.

По мнению Ростоу, движущую силу перехода от одной стадии к другой следует искать в мировоззрении человека: она носит психологический характер. Он полагает, что самым главным условием перехода от относительно статичного традиционного общества к последующим динамичным стадиям является психологическое изменение².

Последователи Ростоу исходят из предпосылки, что в современных условиях любое общество, в том числе и социалистическое, имеет тенденцию к превращению в «общество высшего уровня массового потребления». Вслед за США оно начинает складываться в Западной Европе и Японии. То же самое ожидает якобы СССР и другие социалистические страны.

Следующей характерной чертой «массового общества» буржуазные идеологи считают наличие громадного централизованного правительственного аппарата, крупных экономических организаций, мощных промышленных объединений и разветвленной системы социального обеспечения. В «обществе высшего уровня массового потребления», «подчинено ли народное хозяйство гигантским корпорациям и правительственному регулированию или же социалистически планируемой экономике, — утверждает, например, Э. Шилз, — едва ли найдется область хозяйства, независимая от центрального руководства»³.

Эту черту «массового общества» усиленно подчеркивает другой американский социолог, Герберт Блумер. Для «массового общества», пишет Блумер, характерен громадный правительственный аппарат, крупные эконо-

¹ Ibid., p. 145.

² См. W. Rostow. Politics and the Stages of Growth, p. 26.

³ E. Shils. The Theory of Mass Society. In: America as a Mass Society. London, 1963, p. 36.

мические организации, промышленные объединения и разветвленная система социального страхования.

Такие масштабы государственного монополистического контроля людей с непреложностью объективных фактов говорят о полном подчинении личности буржуазному государственному бюрократическому аппарату. Блумер не может не согласиться с выводами Шилза о необходимости подобной мощной экономической и государственной власти, однако в отличие от последнего видит в ней, как и Фромм, не положительное, а отрицательное воздействие на рядового человека, на его материальное и духовное состояние.

Из приведенных примеров можно сделать вывод о существовании двух основных разновидностей теории «массового общества». Одну из них можно назвать апологетической, вторую — критической. Во многих своих положениях эти разновидности солидарны друг с другом, однако в общих выводах они расходятся. Если для одной существующее положение является пределом реального прогресса общества (У. Росту), то для другой характерно критическое отношение к капитализму (Э. Фромм, Г. Блумер). Впрочем, это не мешает последним видеть в капитализме альтернативу социалистическому обществу и, более того, извращать его социально-экономическую природу.

Разновидности теории «массового общества», с одной стороны, вскрывают социальные пороки современного монополистического капитализма (отчуждение личности, массовая культура, социальная апатия, рост преступности и наркомании и т. д.), а с другой — являются социальной демагогией, пытаются обосновать «смягчение» социально-экономических противоречий капитализма, замену его так называемым унифицированным «массовым обществом». «Массовое общество» — это не «новая» стадия развития общества, а фетишизация тех новых социальных явлений, которые характеризуют капиталистическое общество в период общего кризиса капитализма, в период, когда он стал исторически обреченным социально-экономическим строем, не имеющим будущего из-за «неспособности», — как говорил А. Н. Косыгин на XXV съезде КПСС, — справиться с задачами текущего развития и тем более найти ответ на требования социального и экономического про-

гресса, которые ставит перед миром последняя четверть XX века»¹.

ИДЕАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА ПОД ФЛАГОМ РАЗЛИЧНЫХ ВАРИАНТОВ ТЕОРИИ «ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА»

В 50—60-х годах XX в. в буржуазной социологии преобладал более или менее оптимистический прогноз на будущее. Многие социологи выражали уверенность господствующих классов в возможности использования современной научно-технической революции для разрешения социальных и экономических проблем капиталистической системы, ее улучшения.

Будь то теории «индустриального общества» или «массового общества» (в интерпретации У. Ростоу) — все они опирались на положение о совершенствовании и развитии капитализма. Как «индустриальное», так и «массовое» общество рассматривалось в качестве высшего этапа развития капитализма и альтернативы социализму.

В 70-х годах ситуация в буржуазной социально-политической и социологической науке существенно меняется. В теориях буржуазных социологов, футурологов все отчетливее проявляется мысль о том, что капитализм исторически исчерпал себя, что на смену ему приходит принципиально «новый» тип общества, нашедший отражение в различных вариантах теории «постиндустриального общества». К этим вариантам относятся: теории «постиндустриального общества» Д. Белла, «программированного общества» А. Турена, «технетронного общества» З. Бжезинского, «зрелого общества» Д. Габора, общества «сверхиндустриальной революции» А. Тоффлера и др.

«В ближайшие 30—50 лет, — пишет Д. Белл, — мы будем свидетелями возникновения общества, которое я называю «постиндустриальным обществом»... Черты же его будут варьироваться в зависимости от политических и культурных особенностей различных обществ... Несмотря на различия, оно в качестве социальной модели будет выступать на протяжении XXI века доминирую-

¹ Материалы XXV съезда КПСС, стр. 118—119.

шим фактором в развитии социальных структур США, Японии, Советского Союза и Западной Европы»¹.

А. Винер в докладе «Перспективы человечества и идеология 2000 г.» на III Международной конференции по социальному прогнозированию в Бухаресте (3—10 сентября 1972 г.), говоря о предстоящем переходе человечества к «постиндустриальному обществу», отмечал, что оно «может быть сравнимо во внутривполитическом плане с революционными преобразованиями в экономике, а в международном плане — с возникновением современного общества из недр феодализма»².

По представлениям авторов теории «постиндустриального общества», оно будет отличаться от «индустриального» прежде всего тем, что центр тяжести в экономике переместится из сферы производства в сферу услуг. Соответственно изменятся доли этих сфер в валовом национальном продукте, в распределении рабочей силы и т. п. Если «индустриальное общество, — утверждает Д. Белл, — определяется количеством товаров, свидетельствующим об уровне жизни, то постиндустриальное общество определяется качеством жизни, измеряемым услугами и удобствами — здравоохранением, образованием, организацией отдыха, развитием искусства, — которые сейчас считаются желательными и возможными для всех»³.

Г. Канн и А. Винер в книге «Год 2000-й. Основы для размышлений о следующих тридцати трех годах» считают, что изменения, которые произойдут в течение последней трети нашего века, кажутся буквально невероятными. Условия жизни в развитых странах будут отличаться от начала века так же, как жизнь в Римской империи отличалась от первобытного общества. Характернейшей чертой «постиндустриального общества» станет чрезвычайное обилие товаров и развитая сфера обслуживания, транспорта и связи... «Постиндустриальное общество будет своей главной задачей считать организацию и проведение досуга»⁴.

В зависимости от доходов на душу населения А. Ви-

¹ D. Bell. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting, p. XI.

² A. Wiener. The Prospects for mankind and a year 2000 ideology. S. I. 1972 (Hudson inst.), p. 1.

³ D. Bell. Op. cit., p. 127.

⁴ H. Kahn and A. Wiener. The Year 2000. N. Y., 1968, p. 250.

нер делит человеческую культуру с момента возникновения городов на следующие периоды: «доиндустриальное общество» — 50—250 долл.; «переходное общество» — 100—200 долл.; «индустриальное общество» — 500—2500 долл.; «общество массового потребления» — 1000—2000 долл.; «постиндустриальное общество» — 5000—25 000 долларов.

В соответствии с таким делением, по мнению Винера, к 2000 г. явно «постиндустриальными обществами» станут Япония, США, Швеция, Дания, Норвегия, Франция, ФРГ, ГДР, Канада. Вступят в эту стадию Англия, Бельгия, Австрия, Швейцария, Финляндия, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Израиль, Австралия, Италия, Югославия, СССР. Обществами «массового потребления» сделаются Новая Зеландия, Польша, Румыния, Албания, Испания, Греция, Португалия, Ирландия, Исландия, Венесуэла, Ливия, Иордания, Кипр, Иран, Тайвань, страны Южной и Юго-Западной Африки. В стадии «индустриального общества» будут находиться Мексика, Ямайка, Бразилия, Аргентина, Колумбия, Турция, Иран, Таиланд, Замбия, Малайзия, страны Юго-Западной Азии, Среднего Востока. Вступят в стадию «индустриального общества» страны Центральной Америки, Куба, Доминиканская Республика, АРЕ, Марокко, Тунис, страны Северной Африки, Сирия, КНР, Индия, Пакистан, Цейлон, Индонезия, Камбоджа, Филиппины, Родезия, Конго (Киншаса), Гана, Кения, Сьерра-Леоне. Превратятся в «доиндустриальные общества» Судан, Нигерия, Эфиопия, Танзания, Уганда, Бирма, Малавия.

Таковы в интерпретации Винера периодизация стадий и прогноз развития различных стран к 2000 году.

Таким образом, по мнению адептов «постиндустриального общества», первая его черта состоит в развитии сферы услуг (Белл) и росте денежного дохода на душу населения (Винер).

Другой чертой, характеризующей это общество, является так называемый переход значительной части власти к «новому» классу — «технократам» и «сциентистам». Однако государственным классом они будут лишь в смысле управления производственным процессом. Что же касается контроля за всеми сторонами общественной жизни, то он будет осуществляться полити-

ческими органами, опирающимися на науку и интеллектуальные институты.

Особенность «постиндустриального общества» состоит также в том, как считает Белл, что осью, вокруг которой организуются новая технология, экономический рост и стратификации общества, становятся теоретические, прежде всего технологические знания, «...Термины «феодализм», «капитализм» и «социализм», — отмечает он, — в рамках марксизма являются рядом концептуальных схем вдоль оси отношений собственности. Термины «доиндустриальное», «индустриальное» и «постиндустриальное общество» являются концептуальными рядами вдоль оси производства и утилизируемых уровней знания. В зависимости от оси мы можем выдвигать на первый план сходства или различия. Так, вдоль оси собственности существует противоречивое отношение между Соединенными Штатами и Советским Союзом в том смысле, что первое является капиталистическим, а второе — (государственным) социалистическим обществом. Вдоль оси производства и технологии — оба они, как Советский Союз, так и Соединенные Штаты, являются индустриальными...»¹.

В теории «постиндустриального общества» Белл придает большое значение так называемому «закону всеобщей рациональности», который, по представлениям Макса Вебера, является якобы определяющим при анализе исторического процесса. Основываясь на этом «законе», Белл полагает, что на смену капитализму придет не социализм, а господство бюрократии, которая рассматривается им также вне социально-политического контекста. «Термины «капитализм» и «социализм», — отмечает он в статье «Постиндустриальное общество: технократия и политика», — вписываются в еще более широкие понятия, характеризующие социальный прогресс, — такие, как индустриализация и бюрократизация, — и ...социалистические и капиталистические общества, представляющие собой разновидности индустриальной системы, могут конвергировать в своем экономическом развитии и давать новый тип централизованно-децентрализованной рыночно-планируемой системы»².

¹ D. Bell. Op. cit., p. 11.

² D. Bell. Technocracy and politics. — «Survey», L., 1971, № 1, p. 7.

Но признавая тождественность некоторых изменений, происходящих в экономике, технике, организации производства, системе образования в странах капитализма и социализма, Д. Белл вместе с тем считает, что конвергенция не касается политического строя и культуры, что нельзя давать исчерпывающего определения общества, исходя из одной сферы жизни¹.

Доминирующими фигурами индустриального века были предприниматель-бизнесмен и производственный администратор (*industrial executive*). «Новые люди сегодняшнего дня» — это ученые, математики, экономисты и инженеры компьютеров.

В «постиндустриальном обществе» государство, по Беллу, якобы переходит от руководства экономикой к управлению всем обществом. Если жизнь в доиндустриальном обществе — это «игра против природы», в индустриальном — «игра против искусственной природы», то в «постиндустриальном обществе» — это игра между личностями, которая предполагает сотрудничество и взаимосвязь.

Государственное управление обществом, продолжает Белл, дает возможность использовать рыночный механизм для достижения социальных целей, примиряя экономические и политические интересы отдельных индивидуумов и групп на основе признания общественного характера ресурсов и потребностей, позволит ориентировать политические усилия широких масс на уравнивание доходов и богатств².

Как видим, становление «постиндустриального общества» Д. Белл, Г. Канн и А. Винер связывают не с преобразованиями общественных отношений капитализма в ходе социальной революции, а только с изменениями в материально-технической его базе, вызываемыми научно-техническим прогрессом. «Новая социальная система», — пишет Д. Белл, — не обязательно должна «вылупиться» из старой, как это утверждает Маркс... Корни «постиндустриального общества» надо искать во влиянии науки на производство. Наука в качестве квазиавтономной силы растворяет в себе капитализм.

¹ D. Bell. The post-industrial society; evolution of an idea. «Survey». L., 1971, Spring, p. 159.

² См. D. Bell. The Cultural Contradictions of Capitalism, pp. 24, 176, 219.

Можно сказать, что наука — се этос, ее организация, зародыш будущего общества»¹.

Аллен Турен в книге «Постиндустриальное общество» (1969 г.) утверждает, что «общества нового типа» рождаются на наших глазах. По его мнению, их следует называть «постиндустриальными обществами», если подчеркивать дистанцию, отделяющую их от промышленных обществ, которые им предшествовали и которые еще смешиваются с ними как в капиталистической форме, так и в форме социалистической. Их следует называть «обществами технократическими, если определять их, исходя из характера власти, которая в них господствует. Их следует называть обществами программированными, если стремиться определить их прежде всего в соответствии с природой методов производства и экономической организации. Этот последний термин кажется мне наиболее полезным...»².

В обществе «программированного» типа, как полагает Турен, рабочий класс утрачивает свою роль ведущей исторической силы, а формирование новых революционных сил происходит главным образом в университетах. Новым правящим классом становится «технократия». Это, согласно Турену, «уже не та группа, которая распоряжается частными инвестициями и извлекает из них прибыль. В господствующий класс входят все те, кто отождествляет себя с коллективными инвестициями и в этой связи противостоит группам, которые требуют увеличения своей доли потребления»³.

Провозглашая органическое единство экономического и социального прогресса, «технократы», утверждает Турен, по существу отождествляют интересы общества с интересами крупных организаций — центров власти. Эти центры создают новые формы иерархии и привилегии. Дистанция между правящими и управляемыми все время растет, но принадлежность к угнетенному классу определяется, как полагает Турен, не отношениями собственности, а зависимостью от инструментов социальной и культурной интеграции. Наиболее активными являются не обязательно наиболее эксплуатируемые, а те, кто обладает большей способностью к сопротивле-

¹ Ibid., pp. 343—344.

² A. Touraine. La Société post-industrielle. Paris, 1969, p. 7.

³ Ibid., p. 68.

нию, более высоким уровнем жизни и образования и более сильной позицией на рынке труда, а также те, кто непосредственно участвует в механизме экономического прогресса. Это научно-техническая интеллигенция, «элита сопротивления».

По мнению автора, «программированное общество» порождает свои социальные проблемы и противоречия. Однако противоречия в нем якобы перемещаются из сферы производства в область потребления и выражаются не в противоборстве между трудом и капиталом, общественным характером производства и частным присвоением продукта, а между технократами и массой потребителей и т. д.

Теория «постиндустриального общества» была подвергнута острой критике даже самими буржуазными учеными. На международном симпозиуме, посвященном обсуждению этой теории (Цюрих, июнь 1970 г.), профессор Нуффилдского колледжа в Оксфорде Жан Флауд в своем выступлении прямо заявил, что «следует прекратить погоню за теоретическими зайцами сомнительного происхождения», поскольку нельзя различия в социальной организации индустриальных обществ механически выводить из уровня развития науки и техники, не учитывая других факторов. Теория «постиндустриального общества» Белла, продолжал он, мешает пониманию современного общества. По этой конструкции «...«постиндустриальное общество» оказывается лишь американским вариантом милитаризованной (Wehrwirtschaft) экономики. Если мы искусственно отвлечемся от воздействия «внешнего вызова» на развитие индустриальных обществ, то конструкция «постиндустриального общества» оказывается малозначимой и не побуждающей к размышлению по поводу новых принципов социальной организации»¹.

Декан факультета политических и социальных наук Флорентийского университета Дж. Сартери выразил несогласие с Беллом в той части его теории, где он предсказывает, что господствующим классом «постиндустриального общества» будет «класс теоретиков», а господствующими институтами — институты интеллектуальные. В борьбе за власть, считает Сартери, «класс

¹ Post-Industrial Society — A Symposium. — «Survey». L., 1971, № 1, pp. 36, 25, 35.

теоретиков» едва ли может играть какую-либо существенную роль. «Интеллектуалы — не бойцы, они предпочитают теплицы и башни из слоновой кости. На протяжении всей истории они «служили». Они имели все права. Но я не вижу ничего, что изменилось бы в этом отношении сегодня. За редким исключением, имеющим, правда, большое моральное воздействие, интеллектуалы протестуют против правительств и отказываются сотрудничать с ними только в обществах, допускающих это, где быть на стороне мятежников если и не выгодно, то бесполезно. При иных обстоятельствах интеллигенты более податливы, чем рабочие; их гибкий ум быстро находит пути для алиби и приспособления, происходит *trahison des clercs* (предательство интеллигенции)... Интеллектуальные институты могут стать в будущем доминирующими, но из этого совсем не следует, что сами интеллектуалы станут доминирующими»¹.

Выразили сомнение в верности тезиса о возрастании роли интеллигенции в современном обществе Г. Канн и Б. Брюс-Бриггс. В работе «Предвидимое будущее. Размышления о 70—80-х годах» они пишут: «К сожалению, интеллигент не всегда обладает столь необходимыми качествами, как смелость, решительность, устойчивые взгляды и здравый смысл. Это один из аспектов бессилия образованности — проблема, которая становится тем более серьезной, чем более усиливается и распространяется влияние интеллигенции...»².

Г. Канн и Б. Брюс-Бриггс также считают, что поскольку в «постиндустриальном обществе» работа в сферах услуг или развлечений и т. п. останется самым важным видом экономической деятельности, то они могут уменьшить потенциал и замедлить экономический рост ныне существующих отраслей»³.

В условиях изобилия у людей не будет сильных экономических стимулов к труду. Увеличение времени досуга может привести к реализации индивидуализма — мозаичной культуры, многообразию образов жизни и моделей поведения, к росту упаднического настроения.

¹ Post-Industrial Society — A Symposium. — «Survey». L., 1971, № 1, p. 67.

² H. Kahn, B. Bruce-Briggs. Things to come. Thinking about the seventies and eighties. N. Y., 1972, p. 28.

³ Ibid., p. 225.

Серьезной критике подверглась теория «постиндустриального общества» на III Международной конференции по социальному прогнозированию (Бухарест, сентябрь, 1972 г.). Так, голландский социолог Ван Стинберген выступил против четырех аспектов этой теории: преувеличения роли технократов, науки и техники, новой интеллектуальной технологии, непоследовательности в решении вопроса в соотношении политики и науки. «Новая интеллектуальная технология в теории постиндустриального общества, — отмечал в докладе «Постиндустриальное или предреволюционное общество?» Ван Стинберген, — направлена на выживание и сохранение системы. Выживание в качестве цели социальной системы уводит нас в сторону от вопроса, за счет чего мы должны выжить. Не выживание само по себе, а создание более человеческого общества должно стать нашей общей целью»¹. Ван Стинберген усматривает слабость взглядов Д. Белла и в решении вопроса о соотношении политики и науки. С одной стороны, Белл утверждает, что ученые заменят бизнесменов и «капитанов» индустрии в качестве «новой элиты», с другой стороны, считает, что власть будет принадлежать не ученым, а политикам².

В докладе американского буржуазного социолога З. Бжезинского на международном симпозиуме по проблемам «постиндустриализма» «Америка в техническом веке», а также в работе «Между двух веков. Роль Америки в технотронную эру» (1970 г.) с позиций теории «постиндустриального общества» Белла дана развернутая интерпретация американского общества.

Обострение социальных конфликтов и общий кризис американского общества Бжезинский объясняет не углублением основных противоречий капитализма, а спецификой переходного периода к «технотронному обществу», которое вызывает такие потрясения, каких еще не знала история человечества, потрясения, не сравнимые по своим последствиям ни с Великой французской, ни с Октябрьской революцией. «К 2000 г., — пишет Бжезинский в своей работе «Америка в техническом ве-

¹ Wan B. Steenberg. The post-industrial or the prerevolutionary society? Bucharest, 1972, p. 15.

² Ibid, p. 18.

ке», — Робеспьер и Ленин... будут казаться умеренными реформаторами»¹.

По мнению Бжезинского, в ближайшие десятилетия людям, живущим в развитых странах, предстоит пережить мутацию, которую можно сравнить с переходом от животного к человеку. Эту мутацию он связывает с дальнейшим развитием научно-технического прогресса, которая, по его мнению, даст возможность полностью программировать человеческое поведение, регулировать пол эмбрионов, усиливать мыслительную способность человека при помощи соответствующих препаратов и использования ЭВМ, увеличивать среднюю продолжительность жизни и т. д.

Социальное управление в «технотронном обществе», в котором находятся США, отличается, согласно Бжезинскому, «все усиливающейся прагматической тенденцией в подходе к социальным конфликтам, стремлением анализировать и разрешать их на основе количественной интерпретации... Активизация масс, ведущая к острым политическим конфликтам, сменяется политическим отчуждением, поскольку речь идет об участии в принятии решений по вопросам, слишком сложным для рядового гражданина»².

Этому «политическому отчуждению», как полагает Бжезинский, не в малой мере способствует то обстоятельство, что интеллектуальные нонконформисты — социальные критики — все больше отступают на задний план перед экспертами, поддерживающими тесные связи с политической системой, и что именно они способны возбуждать такие импульсы, «которые выходят за пределы, создаваемые самой системой, и, пожалуй, имеют большую значимость, чем требования, выдвигаемые критиками извне»³.

В теории «технотронного общества» решающее значение придается электронике (отсюда и название «технотроника»). По мнению Бжезинского, в «индустриальном обществе» технические знания использовались главным образом с одной целью: ускорить, улучшить мето-

¹ Z. Brzezinski. Amerika im technischen Zeitalter. — «Aus Politik und Zeitgeschichte», 1968, 29. Mai, S. 3.

² Ibid., S. 8.

³ Ibid., S. 9.

ды производства. Решение социальных проблем стояло на втором плане. В «технотронном обществе» научные и технические знания не только повысят производительность, но и окажут быстрое и непосредственное воздействие на все аспекты жизни. Техника, утверждает Бжезинский в работе «Между двух веков. Роль Америки в технотронную эру», в настоящее время становится «основным фактором, определяющим социальные сдвиги, изменение нравов, социальную структуру, все ценности общества в целом. Знание в технотронном обществе станет орудием власти, а эффективная мобилизация таланта «важным путем власти»¹.

Бжезинский считает, что образование огромных международных корпораций, главным образом под эгидой американских компаний, способствует распространению новых методов руководства, процессов маркетинга и научно-технических нововведений, то есть становлению технотронного общества в рамках американского охвата земного шара. «США, — пишет Бжезинский, — которые никогда не были подлинно аристократическим государством... где никогда не было подлинно идеологических и харизматических вождей и которые постепенно перестают быть плутократически-олигархическим обществом, превращаются в так называемое «меритократическое общество»².

При помощи теорий «технотронного общества» делается попытка не только запрограммировать будущее без изменения природы капитализма, но и утвердить американский империализм в роли международного жандарма, своеобразного охранителя всемирной системы гнета и эксплуатации.

Так, по мнению Бжезинского, США к концу XX в. останутся «основной движущей силой глобальных изменений, независимо от того, будут господствовать проили антиамериканские настроения»³. Этот вывод обосновывается тем, что США якобы выступают в качестве главного глобального распространителя так называемой технотронной революции, давшей миру научно-

¹ Z. Brzezinski. Between two ages. America's role in the technotronic era. N. Y., 1970, pp. 9, 5.

² Ibid., p. 14.

³ Z. Brzezinski. Amerika im technischen Zeitalter. — «Aus Politik und Zeitgeschichte», S. 10.

технический прогресс и мировую культуру, связанную с высоким уровнем потребления.

Ольвин Тоффлер в своей теории «сверхиндустриальной цивилизации» пытается доказать, что кризис, переживаемый современным капитализмом, прежде всего американским, — это кризис самого «индустриального общества». «Мы переживаем одновременно революцию молодежи, сексуальную революцию, расовую революцию, колониальную революцию, экономическую революцию и самую быструю и глубокую в истории техническую революцию. Короче, мы находимся в процессе супериндустриальной революции»¹, — пишет американский публицист. Более того, в «Докладе об экоспазме» О. Тоффлер утверждает, что все индустриальные страны (СССР, США, Швеция, Япония и другие), имея некоторые общие черты (массовое производство, массовое распределение, массовое образование, традиционная семья как ячейка общества), находятся в периоде «экоспазма» — судорог, катаклизмов. Во всех этих странах экономические потрясения якобы происходят на почве экономического кризиса, технологических и политических взрывов и революционных перемен в структуре семьи, высших ценностях, сексуальных традициях и геополитическом равновесии сил.

Все происходящее в индустриальных странах, считает Тоффлер, есть не что иное, как «развал индустриальной цивилизации на планете и появление нового, резко отличного социального порядка — сверхиндустриальной цивилизации, которая останется технической, но уже не будет индустриальной»².

«Сверхиндустриальная цивилизация», согласно Тоффлеру, изменяет как средство, так и цели экономической деятельности. Неизбежен переход от системы, удовлетворяющей материальные потребности, к системе, целью которой является психическая удовлетворенность человека. В ближайшие годы высокоразвитые страны будут направлять огромные ресурсы для восстановления естественной среды и того, что называют «качеством жизни» (борьба против загрязнения биосферы, против скученности и тесноты, шума и грязи). Экономика будущего должна исходить из потребностей отдельных

¹ A. Toffler. The Future Shock. N. Y., 1970, p. 173.

² A. Toffler. The eco-spasm report. N. Y., 1975, p. 3.

индивидов и групп. Характер производства товаров личного потребления также изменится. Это изменение будет в большей мере учитывать психологические потребности. В области услуг тоже приобретут все большее значение психологические моменты. В «супериндустриальном обществе» экономика и само общество в высшей степени неоднородны: это больше не «массовое общество», а соединение постоянно меняющихся мини-экономик, мини-культур и мини-рынков. Национальное государство в значительной мере утратит свою важность, все больше проблем будет решаться на наднациональном и донациональном уровнях. Все это, по мнению Тоффлера, лишит «значимости великий конфликт XX в. — конфликт между капитализмом и коммунизмом»¹.

Лауреат Нобелевской премии 1971 г. Д. Габор в книге «Зрелое общество» называет современный капитализм «большим обществом», для которого характерны стагфляция (комбинация экономической стагнации с инфляцией), хроническая безработница, неэффективность производства, незаинтересованность рабочих в результатах труда, протест молодежи, распространение наркомании, рост преступности, жилищный кризис, бытовое пьянство, отсутствие позитивных ценностей, нарушение экологического равновесия и т. д. Выход он видит в постепенном проведении серии реформ, переходе от современного «индустриального общества» к «зрелому обществу». Таким обществом для Д. Габора является общество «без войн, с высоким уровнем экономического развития, для которого главное не рост... материального потребления, а повышение «качества жизни», общество, которое отвечает природе «биологического вида — «гомо сапиенс»². Это будет капиталистическое общество, но «избавленное от конкурентной борьбы, порождающей сегодня столь болезненные конфликты между частными и общественными интересами»³, со стабильным населением и уровнем производства, достигнутым экологическим равновесием и максимумом индивидуальной свободы.

Среди мер, направленных на становление «зрелого

¹ A. Toffler. The Future Shock, p. 203.

² D. Gabor. The mature society. N. Y. Praeger, 1972, p. 34.

³ Ibid., p. 108.

общества», Габор считает важнейшими максимальное использование преимуществ частного предпринимательства при разумном перераспределении налогов между государственным и частным секторами в пользу последнего, устранение злоупотреблений отдельными государственными институтами, обеспечение полной занятости населения, устойчивый рост производства, активный баланс внешней торговли, фиксированные цены, увеличение численности самодейтельного населения в сфере обслуживания и образования, утверждение самодисциплины, чувства ответственности, «нравственного усовершенствования человека»¹.

Социальный смысл всех перечисленных вариантов буржуазных теорий «постиндустриального общества» — отвлечь внимание научной общественности абстрактными рассуждениями о далеком будущем, от исследования реальных социально-экономических проблем, порожденных научно-технической революцией, увести ее в мир буржуазных социально-политических утопий, дезориентировать широкие народные массы, все прогрессивные силы в их борьбе за революционное преобразование капиталистического общества в социалистическое, извратить научную теорию общественного развития К. Маркса — исторический материализм. Они нацелены также на дискредитацию реального социализма в СССР и других братских странах.

МИФ ОБ «ОБЩЕСТВЕ ТЕХНОКРАТОВ»

Для всех современных концепций «общества технократов» характерна трансформация идей американского экономиста Торстейна Веблена, и в первую очередь тезиса о том, что производство, основанное на традиционной частной собственности, не соответствует более уровню технического прогресса, поэтому интересы дальнейшего развития общества требуют введения национального планирования и передачи управления техническим специалистам.

Представители технократической идеологии исходят из предпосылки, что техника в условиях современного общества становится самодовлеющей силой, причем этот процесс захватывает как капиталистические, так и

¹ D. G a b o r. The mature society, pp. 43, 93, 117.

социалистические страны. «Современные люди с таким энтузиазмом относятся к технике, — пишет французский буржуазный социолог Ж. Эллюль, — настолько убеждены в ее превосходстве, настолько глубоко погружены в техническую среду, что все без исключения ориентированы на технический прогресс. Они все работают на него, и в пределах своих профессий, даже в коммерции, каждый стремится осуществить технические усовершенствования. Технический прогресс происходит, по существу, в результате этих совместных усилий. Технический прогресс и современные усилия восходят к одному и тому же»¹.

Таким образом, техника стала демиургом общественного развития. «Никакая человеческая деятельность невозможна, — пишет французский социолог, — если она не опосредуется и не проверяется техническими средствами»². Более того, «современный человек фактически сам стремится придать техническую форму даже своему свободному времени и противится вхождению в сферу человеческого творчества»³.

Аналогичную позицию занимает и американский социолог У. Уайт. Он пишет: «Рост организованного общества требовал признания того факта, что человек не является полностью продуктом своей собственной воли»⁴. Такой процесс перестройки личностной ориентации У. Уайт считает вполне закономерным и не внушающим особых опасений, поскольку он детерминирован объективно существующим техническим прогрессом, по мнению автора, одним из самых положительных достижений человечества и, в частности, западной культуры.

Отсюда делается вывод, что поскольку техника выступает в качестве главной детерминанты всей человеческой культуры, постольку и люди, обладающие техническими знаниями, имеют объективное право на управление всеми делами общества. «...В наше время, — пишет Гэлбрейт, — источником власти служит тот сплав знаний и опыта, который представляет техноструктура»⁵.

Исходя из этой теоретической предпосылки, он де-

¹ J. Ellul. The technological society. N. Y., 1965, p. 85.

² Ibid., p. 54.

³ Ibid., p. 401.

⁴ W. Whyte. The organization of man. L., 1963, p. 25.

⁵ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, стр. 186.

лает вывод, что право принимать решения в обществе «принадлежит инженерам, плановикам и прочим специалистам... Именно эта группа людей, а не администрация направляет деятельность предприятия, является его мозгом»¹.

Однако приведенное выше положение Гэлбрейта оспаривается многими современными идеологами. По их мнению, в настоящее время в обществе существуют две главные функции: «одна соответствует функции власти — эту функцию осуществляют технократы; вторая — функция знания, ее осуществляют специалисты»². Согласно этой концепции, сфера деятельности технократов — не техника, а политика в самом широком значении этого понятия. Причем дихотомия «технократы — специалисты» не означает, что технократы ничего не знают, а специалисты ничего не могут, поскольку в современных условиях управление обществом требует обширных знаний, а ученым приходится руководить хотя бы на уровне лабораторий.

Однако подобные оговорки не могут отвлечь внимания от того непреложного факта, что власть в обществе принадлежит владельцам собственности на орудия и средства производства. А приведенное разграничение технократов и специалистов носит чисто апологетический характер, поскольку специалист, привлеченный к сфере руководства, согласно понятиям буржуазного общества, становится «технократом».

Подобного рода выкладки западных идеологов преследуют одну цель — доказать ошибочность учения марксизма-ленинизма о ведущей роли рабочего класса в обществе. Так, доводя до логического конца свои концепции технократии, французские социологи Ф. Бон и М.-А. Бюрнье переносят понятие революционности с пролетариата на интеллигенцию в лице специалистов и технократов. Более того, они считают, что в современном обществе уже произошла мирным путем «технократическая революция» и технократическая прослойка стала «реальным выражением единства общества»³. В то же время «технократическая революция» не устрани-

¹ Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество, стр. 110, 113.

² F. Bon, M.-A. Burnier. Les nouveaux intellectuels, p. 112.

³ Ibid., p. 310.

ла социальных конфликтов современного общества, она лишь «подменила их форму». На смену конфликту капиталистов и рабочих пришли конфликты специалистов и технократов: «Будучи хозяевами научного и технического прогресса, специалисты не контролируют ни условия развития, ни его использование, ни его цели. Они констатируют, что лишены всякой социальной власти»¹.

Согласно концепции французских социологов, специалист воплощает растущую власть человека над силами природы и общества, а технократ — те пределы и ограничения, которые воздвигают существующие социальные системы, их экономические потребности и социальные интересы.

Таким образом оказывается, что «технократическая» концепция Бона и Бюрнье является не чем иным, как идеологическим отражением реальной борьбы за право управления и привилегии между различными специалистами капиталистического производственного механизма. И в этой борьбе многие буржуазные идеологи становятся на сторону технократов. Например, Ж. Эллюль, обосновывая неизбежность правления технократов, пишет: «Революция против технократического общества предполагает ослабление эффективности во всех областях (прибыль производства, производительность, адаптация и интеграция), уменьшение индивидуального благосостояния, свертывание великих общественных проектов и постепенное исчезновение массовой культуры. Не нужно строить никаких иллюзий: если мы не готовы заплатить эту цену, мы не готовы к той единственной революции, которая необходима в наши дни»². Ратуя за отказ от прогресса в области техники, Эллюль в то же время старается подчеркнуть, что его взгляды на современную цивилизацию и пути выхода из возникшего тупика не следует смешивать с революционностью «новых левых». «Известно, что великая и единственная осуществленная иррациональная революция, этот великий праздник (имеется в виду Великая французская революция), далеко превзошедший все остальные, привел к установлению государства, техники, пропаганды и т. п. ...Вот почему, когда я слышу призыв к иррациональности, к революционной мистике, меня охватывает

¹ F. Bon, M.-A. Burnier. Les nouveaux intellectuels, p. 226.

² J. Ellul. Autopsie de la revolution. Paris, 1969, p. 329.

ужас. Это не может иметь другого финала, кроме того, что уже представил Гитлер. Высвобождение и использование темных сил привело к величайшему общественному бедствию, когда-либо изведенному человечеством»¹.

Таким образом, Эллюль разделяет широко распространенный на Западе взгляд на Французскую революцию, как на прародительницу современной цивилизации, крупного промышленного производства. Но если марксисты оценивают ее как прогрессивное явление, французский социолог видит в ней и начало упадка человечности, ибо, по его представлению, начиная с этого периода техника окончательно превратилась в главный двигатель общественного развития.

Конечно, нельзя не признать того факта, что современное буржуазное общество все в большей степени способствуют аутопсии (разложению) индивидуума, но объяснение этого явления развитием техники, а не социальным угнетением и эксплуатацией не может рассматриваться иначе, как апологетическое заявление, несмотря на его критическую направленность в адрес государственного-монополистического капитализма.

Иную перспективу развития «технократического общества» намечает другой французский социолог — А. Горц. Как и большинство критически настроенных западных теоретиков, он считает технику репрессирующим фактором современной культуры. Его радикализм строится на признании необходимости преобразования капиталистического общества. «Альтернативе монополистическая реальность — социалистическая революционность, — пишет он, — соответствуют только два блока: модернистский неокapиталистический блок, чья технократическая идеология пытается замаскировать господство монополистической буржуазии, превознося значение и «власть» инженерно-технических кадров и специалистов, «участие» профсоюзов в капиталистическом управлении и их «компенсирующую» роль; или социалистический блок, который вырвет научных, технических и интеллектуальных работников из-под влияния буржуазно-технократической идеологии не тем, что будет льстить их корпоративным интересам, а, напротив, исходя из

¹ J. Ellul. Autopsie de la revolution, p. 339.

специфических потенциально антикапиталистических потребностей научного, технического и интеллектуального труда, которым только коммунизм может обеспечить общественное признание и культурный расцвет»¹.

Приведенное высказывание французского социолога — еще одно свидетельство признания на Западе превосходства социализма как альтернативы капитализму.

ОТ «ТЕХНОКРАТИИ» К «ТЕХНОФОБИИ» И ТЕОРИЯМ «ГЛОБАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ»

Банкротство теорий, возникших на волне экономического бума и успехов науки и техники, обещавших бескризисное развитие капиталистической системы, привело многих идеологов буржуазии к переходу от оптимистических прожектов будущего к мрачным пророчествам, к концепциям, предлагающим затормозить темп научно-технического прогресса, заменить «техническую цивилизацию» «цивилизацией гуманистической», расширенное воспроизводство — простым и т. д.

Эрих Фромм в работе «Революция надежды. К вопросу о гуманизации техники» (1968 г.) высказывает беспокойство по поводу «технизации» современного общества. Руководящие принципы нынешнего «технологического общества» он усматривает в том, чтобы «производить все, что можно производить», и добиваться максимальной эффективности и производительности «в плане количественных показателей». Качество же теряет в жизни всякое значение, и деятельность становится самоцелью. В результате человек превращается в потребителя, его одолевает скука, мысли расходятся с чувствами, исчезают интимность и контакты. Само по себе прогрессивное планирование становится слепым, лишенным ценностных суждений и ответственности. И что особенно опасно, считает Фромм, многие люди не замечают нового призрака «полностью механизированного общества», в котором человек низведен до положения «беспомощного винтика в машине»².

Основными признаками будущего этого общества

¹ A. Gorz. Réforme et Revolution. Paris, 1969, pp. 41—42.

² E. Fromm. The revolution of hope. Toward a humanized technology. N. Y., Bantam Books, 1968, p. VII, I.

Фромм считает стремление «производить и потреблять все больше и больше», рост бюрократии, угрозу истребительной войны, утрату религиозной веры и гуманистических ценностей.

По мнению Фромма, в современную эпоху традиционные ярлыки, вроде «правый» и «левый» или «коммунизм» и «капитализм», утратили свое значение¹. Люди теперь ищут «новой ориентации», усиливается движение за «восстановление контроля человека над общественной системой»². Изменить общественную систему в желательном для человека направлении может «надежда», внутренняя «готовность к интенсивной, но еще не действующей активности», «внутренний элемент структуры жизни, динамики человеческого духа»³.

С «надеждой» Фромм связывает и другие «элементы структуры жизни» — «веру», «мужество», благодаря которым живут не только индивиды, но и целые классы и нации. Эти «элементы» находят свое классическое выражение в месснянских пророчествах. Это волюнтаристская, субъективно-идеалистическая точка зрения на судьбы современного общества.

Идеи «гуманизации» техники и общества содержатся и в работах английского историка Арнольда Тойнби. В книге «Как пережить будущее» Тойнби объявляет неразрешимой проблему взаимоотношения техники и человека. Современный человек, утверждает он, стал рабом своих условий жизни, техники; за свое благосостояние он «теряет» свободу и счастье. Технический прогресс и его некоторые последствия не зависят от социально-экономических условий. С ними надо смириться как с исторической необходимостью. Единственным выходом из создавшегося положения, по Тойнби, является «гуманизация» окружающей среды и техники»⁵.

Дж. Форрестер в книге «Динамика мира» (1971 г.)⁶, Д. Медоуз и другие в книге «Пределы роста» (1972 г.)⁷ представили свои «глобальные модели» развития чело-

¹ E. Fromm. The revolution of hope. Toward a humanized technology, p. 4.

² Ibid., p. 5.

³ Ibid., pp. 6, 12, 13.

⁴ Ibid., pp. VII, I.

⁵ A. Toynbee. Surviving the Future. L., 1971, pp. 20, 25.

⁶ J. Forrester. World Dynamics. Cambridge, 1971.

⁷ D. Meadows et al. The Limits to Growth. N. Y., 1972.

вещества. Они исходят из того, что мировая система столкнулась в своем развитии с рядом принципиальных трудностей, которые нельзя преодолеть на национальном уровне. Нельзя их преодолеть и такими традиционными способами, как миграция, экспансия, экономический рост и развитие техники. Дж. Форрестер, Д. Медоуз и другие буржуазные ученые сделали попытку построить прогностические модели мира примерно до 2000 г. по таким параметрам, как использование природных ресурсов, капиталовложения в промышленность и сельское хозяйство, эффективность производства, загрязнение окружающей среды, темпы рождаемости и смертности населения. Если развитие общества, утверждают они, будет происходить в том же направлении, что и до сих пор, то есть без воздействия каких-либо произвольных внешних факторов, то к началу XXI в. вследствие истощения природных ресурсов и возрастания степени загрязненности окружающей среды, роста народонаселения наступит катастрофа человечества, техники, культуры, цивилизации, мысли вообще. Выход из катастрофической ситуации они видят в переходе общества к состоянию «глобального равновесия». «Человек имеет сейчас, — пишут Д. Медоуз и его соавторы, — в течение крохотного периода своей истории наиболее мощный комплекс знаний, средств и ресурсов, который когда-либо существовал в мире. Он имеет сейчас все физически необходимое, чтобы создать совершенно новую форму человеческого общества, такую, которая послужила бы для многих поколений. Не хватает лишь двух составляющих: реальной долговременной цели, которая могла бы привести человечество к равновесному обществу, и воли человечества достигнуть этой цели. Без такой цели и без стремления к ней удовлетворение сегодняшних кратковременных потребностей вызывает экспоненциальный рост, который приведет мировую систему к полному истощению ресурсов Земли и к заключительной катастрофе. Поставив такую цель и стремясь к ней, человечество было бы в состоянии начать сейчас постепенный контролируемый переход от роста к глобальному равновесию»¹.

Чтобы достигнуть этой цели, Дж. Форрестер, Д. Медоуз и другие предлагают создать возможный вариант

¹ D. Meadows e. a. The Limits to Growth, p. 183.

будущего развития устойчивой мировой системы, способной удовлетворить основные материальные нужды всего населения планеты.

Игнорируя наличие различных социально-политических систем и объективные законы их развития, Форрестер, например, рекомендует переосмыслить социальные ценности «потребительского общества» и пути к рациональному регулированию социальных процессов. «Если мы не поймем этого, — утверждает он, — и не будем действовать достаточно быстро, то нас опрокинет социальная и экономическая система, созданная, но не управляемая нами»¹.

Устойчивость мировой системы, по мнению Форрестера, Медоуза и других, требует сбалансированности роста населения и промышленного капитала, сокращения эксплуатации природных ресурсов, недопущения дальнейшей индустриализации, в особенности развивающихся стран, хотя это и может сказаться на ограничении некоторых свобод граждан. Иначе говоря, Дж. Форрестер, Д. Медоуз и их последователи видят выход из создавшегося положения в отказе от дальнейшего роста производства, в стагнации научно-технического прогресса вообще. Они ратуют за «нулевой рост» (простое воспроизводство) населения, строительство новых предприятий только взамен выбывающих из строя, причем той же мощности и т. д.

Следовательно, только в условиях глобального равновесия, как полагают Форрестер, Медоуз и другие, в наиболее приемлемой форме для большинства населения планеты, когда его численность остается в определенных пределах, может поддерживаться такое производство материальных благ, которое обеспечит достаточно высокий уровень жизни каждому члену общества.

В работе М. Месаровича и Э. Пестеля «Человечество перед выбором. Второй доклад Римскому клубу» (1974 г.) также предпринята попытка глобального моделирования судеб современного человечества. Как пишут авторы, цель доклада — «снабдить принимающих политические и экономические решения лиц в различных частях мира всеобъемлющим орудием глобального планирования, которое поможет им действовать так,

¹ J. Forrester. World Dynamics, p. 8.

чтобы предвещать наступление кризисов, которые уже стучатся в наши двери»¹.

Авторы исходят из того, что стремительный рост кризисов, охвативших весь земной шар, — наиболее явный показатель того, что человечество достигло поворотного пункта в своем историческом развитии. Их модель опирается на понятие «органичного роста», который трактуется в работе как процесс структурной и функциональной дифференциации. «Органичный рост» отличается от чисто количественного роста так же, как развитие организма, при котором наряду с увеличением числа клеток происходит и их специализация, отличается от простого деления клеток при размножении, например, одноклеточных. «Мы поэтому, — отмечают они, — пришли к выводу, что мир является как бы живым существом, органы которого должны работать в совершенном равновесии друг с другом, чтобы обеспечить дифференцированный гомогенный рост, который мы и назвали органичным ростом».

Переход на путь органичного роста, по их мнению, будет содействовать формированию мира как системы взаимосвязанных и гармонических частей, каждая из которых вносила бы свой вклад в экономику, ресурсы или культуру. Понятие «органичного роста» прежде всего предполагает разнообразие мира, которое в концепции Месаровича и Пестеля интерпретируется как «регионализация», то есть деление мира на регионы, включающие различные национальные государства.

Регионы определяются авторами путем группировки всех наций земного шара в соответствии с политическими, экономическими и культурными особенностями (история, образ жизни, политическая система, уровень развития и другие). Нынешний вариант включает десять регионов: 1) Северная Америка, 2) Западная Европа, 3) Япония, 4) Австралия, Южная Африка и остальные страны с рыночной экономикой, 5) СССР и страны Восточной Европы, 6) Латинская Америка, 7) Северная Африка и Ближний Восток, 8) Тропическая Африка, 9) Южная и Юго-Восточная Азия, 10) Китай и остальная центрально-равнинная Азия.

¹ M. Mesarovic, E. Pestel. Mankind at the turning point. N. Y., 1974, p. IX.

Вместе с тем наряду с «регионализацией» важнейшим принципом построения «глобальной модели» развития человечества у Месаровича и Пестеля выступает также признание мира и целостной системой, в связи с чем многие явления национального и регионального характера рассматриваются ими как всемирно значимые. Чтобы правильно описать сами регионы, их взаимосвязь и выработать наиболее целесообразные варианты решений, Месарович и Пестель при построении своей модели учитывают физические, экологические, экономические, социальные и другие процессы, определяющие основные тенденции развития современного общества.

В отличие от моделей Форрестера и Медоуза, рассматривающих мир как однородную систему с полностью предопределенными во времени и жестко заданными начальными условиями, модель Месаровича и Пестеля позволяет, по их мнению, рассматривать эволюцию этой системы во времени как зависящую от социально-политических изменений.

На основе своего исследования Месарович и Пестель приходят к следующему выводу.

Мир представляет собой систему взаимосвязанных регионов; региональные кризисы могут быть вызваны различными причинами и иметь разную природу. Чтобы преодолеть или предупредить их наступление, необходимо принимать меры глобального характера; органический рост, соответственно рассчитанный на данное экономическое или социальное состояние регионов, создает предпосылки для преодоления мировых кризисов; задержка в разработке стратегии борьбы с кризисами может привести в конечном итоге к губительным последствиям.

В противном случае, как полагают Месарович и Пестель, «нынешний кризис ставит под вопрос не только нашу политическую, экономическую или социальную систему, но и самого человека, его отношения с природой, его стиль жизни, его внутреннее равновесие»¹.

В настоящее время предложен и ряд других моделей развития человечества и его отдельных регионов, по существу, отстаивающих концепцию «нулевого роста».

¹ N. De Turenne. Le rapport Pestel—Mesarovic un tournant historique. — «Express». Numero special, P. 1974. Dec. № 1221, p. 38.

Таковы латиноамериканская модель, созданная под руководством А. Эрреры, японская модель Я. Кайа, модель голландской группы Г. Линнемана и другие.

Все эти глобальные модели человеческого общества, по существу, воспроизводят в новой терминологии давно скомпрометировавшие себя идеи «мирового правительства», «единой мировой социальной общности» и другие.

Теории, предлагающие во имя предотвращения гибели цивилизации нулевой прирост, ныне подвергаются критике и многими учеными капиталистических стран. Так, Д. Хорафас в работе «Больное общество. К катастрофе свободы и благополучия» пишет: «Нулевой прирост мог бы стать правильной целью замкнутой цивилизации. Но экономическая экспансия приводит к движению вмонтированным в нее «мотором роста», подобно тому как «мотор роста» сообщает ускорение нищете. Проблема заключается в том, как избежать и роста и нищеты. Решение этой проблемы лежит, пожалуй, в изменении нашей системы ценностей: границы всегда необходимы, однако ограничение роста должно быть определено и предписано конкретной системой ценностей; с изменением основной ценности должна изменяться и граница. Центром тяжести такой перестановки должен стать внутренний мир человека»¹.

Социальный смысл рассмотренных моделей развития человечества, отмечает И. Хиндельс в работе «Пророки гибели. О функциях литературы катастроф», заключается в доказательстве того, что владельцы капиталов и получатели зарплаты находятся в одной лодке и одинаково подвергаются опасности бурь глобальной катастрофы. Но в действительности появление этих моделей доказывает, что «поздний капитализм подошел к своему пределу и чувствует себя обреченным на гибель, ибо он не в состоянии разрешить проблему будущего. Эту общественную систему надо ликвидировать, а не стремиться к ее очередной реставрации»².

Следует кратко остановиться на экологическом

¹ D. Chorafas. Die kranke Gesellschaft. Vor dem Zusammenbruch von Freiheit und Wohlstand. Frankfurt a/M., 1974, S. 75.

² J. Hindels. Die Propheten des Untergangs. Zur Funktion der Katastrophenliteratur. — «Zukunft», Wien, 1975, № 3, S. 26.

кризисе в условиях капитализма, который буржуазными социологами выдается также за кризис, якобы охватывающий все страны мира и властно требующий «единого экономического порядка». Наличие экологического кризиса буржуазные идеологи связывают лишь с ростом промышленного производства, научно-технической революцией, со всей технологической стороной взаимоотношений между человеком и природой, а не с капиталистической системой.

Современная научно-техническая революция принесла человечеству не только рост его производительных сил, но и резкое обострение экологической проблемы. Эти обстоятельства заставляют задуматься о пределах истощаемости природных ресурсов и возможностях для комплексного подхода к охране и воспроизводству природных богатств.

Сам по себе научно-технический прогресс и применение его достижений для воздействия на природу еще не означают неизбежного разрушения природной среды, истощения природных ресурсов и ухудшения условий человеческого существования. Все эти негативные явления обусловлены конкретными методами и формами воздействия на природу, формами использования достижений науки и техники.

Известно, что взаимодействие человека с природной средой всегда протекает в определенных конкретно-исторических условиях, в различных общественно-экономических системах. Это, в свою очередь, обуславливает направление и формы развития науки и техники, всех производительных сил, а следовательно, формы и методы воздействия на природу. Капитализм является такой общественной системой, которая обусловила современное обострение экологической проблемы, вызвала экологический кризис. Особую тревогу вызывает загрязнение и заражение вод Мирового океана, воздушного бассейна. Большой ущерб окружающей среде наносит экономика США. В США, в стране, составляющей около 6% территории и населения всего мира, выделяется почти половина всех промышленных отходов, отравляющих окружающую среду.

Правда, в развитых капиталистических странах используются косвенные методы финансового стимулирования мероприятий по охране природной среды. Одна-

ко такого рода деятельность носит ограниченный характер и в основном сводится к спасению уникальных ландшафтов, редких видов животных и растений, отдельных лесных массивов, водоемов и т. п. В широких же масштабах охрана окружающей среды невозможна из-за наличия частной собственности на основные средства производства, землю, водные ресурсы, лесные богатства, погони за получением максимальной прибыли. Это признают и некоторые буржуазные идеологи. Например, Маршалл Голдман в своей книге «Вредные последствия прогресса...»¹ пишет: «Частное предпринимательство и стремление к прибыли, бесспорно, служат причиной значительной части разрушений окружающей среды».

Урбанизация, возрастание масштабов производства, значительные структурные изменения в хозяйстве, в частности в промышленности, в условиях капитализма порождают псевдорационализацию хозяйства, при которой фактические издержки предприятий приходится на окружающую среду. Стихийно протекающий при капитализме процесс урбанизации почти повсеместно сопровождается загрязнением городов, источников вод и водных бассейнов, ухудшением характеристик окружающего воздушного пространства, значительным истощением земельного фонда.

Большую опасность в капиталистических странах представляет неконтролируемое развитие промышленности и энергетического хозяйства. За счет выброса в воздух твердых частиц (золы, сажи и т. п.) и отработанных газов загрязняется атмосфера. Вследствие сброса неорганических отходов и теплой воды загрязняются естественные водоемы, нарушается их тепловой баланс. Атомная и термоядерная энергетика при нарушении мер предосторожности создает угрозу радиоактивного воздействия на живые организмы. Повсеместное применение минеральных удобрений, гербицидов и инсектицидов в сельском хозяйстве приводит к нарушению экологического равновесия значительных территорий, оскудению генетического многообразия животного и растительного мира, заражению грунтовых вод и т. п.

¹ M. Goldman. The spoils of progress: environmental pollution in the Soviet Union. L., 1972, p. 74.

Вот некоторые вызывающие тревогу цифры. Известно, что человечество потребляет ежегодно около 16 млрд. т кислорода. Взамен этого в атмосферу поступает 21—24 млрд. т углекислого газа. В результате увеличивается его удельный вес в составе воздуха. По прогнозам экспертов, к 2000 г. он достигнет 0,0380% (0,0315% в 1960 г.). Возрастает и засорение атмосферы сернистым газом, причем наука еще не знает, какое его содержание становится опасным для людей¹. В воздухе и воде обнаруживают двуокись кремния, свинец, цинк, мышьяк и другие смертоносные примеси.

Все названные и многие другие факторы, возникшие или развившиеся в ходе научно-технической революции, так или иначе оказывающие влияние на мировую экологическую систему, породили целый ряд серьезных проблем, требующих срочного и эффективного решения.

Современная экологическая ситуация с новой силой свидетельствует о том, что природу нельзя отделять от общества, а человека и общество исключать из природной действительности. «Мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над другим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо, находящийся вне природы, — писал Ф. Энгельс, — мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей, находимся внутри ее... Все наше господство над ней состоит в том, что мы в отличие от всех других существ умеем познать ее законы и правильно их применять»².

В условиях социализма вопрос о преобразовании природы на основе познания законов ее развития, поставленный классиками марксизма, на пути своего решения не встречает непреодолимых препятствий. Этому способствуют господствующая в социалистической системе хозяйства общественная собственность на средства производства, землю, плановые принципы управления экономикой, политическая власть трудящихся под руководством рабочего класса.

Тот же Маршалл Голдман в названной выше книге отмечает, что отсутствие спекулянтов земельной собственностью и частных владельцев предприятий, по-видимому, означает, что в странах социализма не будет

¹ См. «Вопросы философии», 1974, № 10, стр. 57.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 20, стр. 496.

тех нарушений и того загрязнения окружающей среды, которые характерны для капиталистической действительности. Он считает, что «переделывание природы в широких масштабах может скорее произойти в обществе (СССР и других социалистических странах. — Н. П.), в котором вся земля и средства производства принадлежат государству и где не существует частных собственников...»¹.

Именно социалистические страны принимают решительные меры к тому, чтобы планомерно сочетать ускорение научно-технического прогресса с хозяйским отношением к освоению природных ресурсов, своевременно предупреждать загрязнение окружающей среды, улучшать использование земли, водных ресурсов, лесных богатств и минерального сырья. «Хозяйское, рачительное использование естественных ресурсов, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на торжественном заседании, посвященном 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, — забота о земле, о лесе, о реках и чистом воздухе, о растительном и животном мире — все это наше кровное коммунистическое дело. Мы должны сохранить и украсить нашу землю для нынешних и будущих поколений советских людей»².

В условиях социализма создаются реальные возможности для такого использования достижений науки и техники, чтобы при большом экономическом эффекте не обеднять, а обогащать естественную среду и сохранять природу. Страны социалистического содружества многое делают для решения таких проблем, как региональное планирование, рациональное размещение промышленных предприятий, городов и поселков, внедрение замкнутых технологических циклов, изменение общественных потребностей и методов их удовлетворения.

В социалистических странах реализуются принципы комплексного освоения природных ресурсов, сочетающие стратегию, рассчитанную на их длительное использование, с интересами социально-экономического развития всего общества.

¹ М. Goldman. The spoils of progress: environmental pollution in the Soviet Union. L., 1972, p. 80.

² Л. И. Брежнев. 50 лет великих побед социализма. М., Политиздат, 1967, стр. 33.

В проведении мероприятий по охране природной среды и ее приумножению используются наиболее эффективные методы государственного контроля. За последние годы Верховным Советом СССР приняты Основы земельного, водного законодательства, Основы законодательства о недрах, о здравоохранении. В восьмой и девятой пятилетках были приняты партийно-правительственные документы об охране Каспия, Байкала, Волги и Урала, Черного и Азовского морей, рыбных запасов в водоемах, о порядке проведения работ на континентальном шельфе СССР.

Начиная с 1975 г. задания по защите недр, водоемов, воздушного бассейна, лесных богатств, воспроизводству рыбных ресурсов, рациональному расходованию минерального сырья включены в народнохозяйственные планы. Значительные капитальные вложения предусмотрены на охрану и рациональное использование земель, восстановление и устройство лесов, совершенствование технологических процессов на предприятиях, имеющих вредные выбросы. Только в десятой пятилетке на охрану окружающей среды выделено 11 млрд. рублей.

В социалистических странах коммунистические партии и правительства рассматривают охрану и разумное преобразование окружающей среды, бережное отношение к ее ресурсам как важное условие укрепления естественной основы материального производства, улучшения жизни, труда и отдыха трудящихся.

Однако буржуазные идеологи выход из экологического кризиса видят не в социалистической системе, а в разного рода утопических реформах. Так, многие из них возлагают надежды на учреждение какого-то надгосударственного международного органа. А. Тойнби, например, отстаивает идею организации «мирового правительства», У. Уэгер уповает на создание «мирового порядка», Р. Фольк — «мировой власти».

У. Уэгер во имя достижения «мирового порядка» призывает разработать «стратегию мировой революции», направленную на создание «новой органической всемирной цивилизации», «мондиализацию» национальной власти и передачу современной власти «всемирной республике», основным принципом которой должна

быть «безоговорочная лояльность в отношении человечества»¹.

За «глобальной моделью» Уэгера хорошо прослеживается теория «конвергенции» — правда, отражая веление времени, он, как и Гэлбрейт, говорит о «конвергенции на социалистической основе». Общество будущего, пишет он, соединит лучшие черты как капитализма, так и социализма при господстве социалистической структуры².

Р. Фольк в работе «Исследование грядущего мира. Программа построения моделей мирового порядка» (1975 г.), ратуя за справедливую систему международных отношений, предлагает создать «Мировую Ассамблею» — всемирный парламент, чьи законодательные решения должны будут считаться обязательными в случае подачи за них более 80% голосов. Мировая власть со своими органами (суд, совет лидеров, координационное управление) должны дополняться «мировой системой безопасности», «мировой экономической системой», «мировой системой для развития человека» и т. п.

Итак, говорят ли буржуазные идеологи о становлении «общества нового типа» в национальном масштабе или «единого социально-экономического порядка» во всемирном масштабе, их исходным отправным пунктом является концепция «конвергенции».

Между тем в современных условиях для того, чтобы добиться справедливой системы международных отношений, важно всем государствам, большим и малым, искать все новые пути развития мирного и взаимовыгодного сотрудничества государств с различным общественным строем, последовательно бороться за прочный мир, за ослабление, а в перспективе и за устранение опасности новой войны, строго претворять в жизнь кодекс принципов межгосударственных отношений, согласованных в Хельсинки главами правительств на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе, все составные части Заключительного акта, одобренного этим Совещанием.

¹ W. Wager. Building the city of man. N. Y., 1972, pp. 46, 52.

² Ibid., p. 157.

Различные варианты теорий «общества нового типа» имеют ярко выраженные гносеологические и социально-политические корни. Общим для всех этих теорий является явное или неявное осознание того объективного факта, что соотношение сил на мировой арене склонилось в пользу социализма и коммунизма. В капиталистических странах растет тяга к социализму различных слоев и групп трудящихся, возрастает их революционное сознание. Капитализм скомпрометировал себя, само понятие «капитализм» стало ненавистно широким народным массам.

В условиях общего кризиса капитализма и развертывания научно-технической революции буржуазия, вынужденная идти в ногу со временем, применяет различные методы регулирования экономики и т. д.

Буржуазная идеология в искаженном виде отражает все эти явления, пытается приспособиться к новой обстановке в современном мире. Принимая во внимание ненависть к капитализму и тягу к социализму, идеологи отживающего строя выдвигают концепцию «конвергенции» капитализма и социализма, а затем идут дальше: капитализм и социализм рассматривают как две различные формы «единого индустриального общества», якобы постепенно сближающиеся друг с другом и образующие различные варианты «общества нового типа». При этом маскируется реальная сущность капитализма, так как все теории «общества нового типа» являются не чем иным, как фетишизацией различных социальных и экологических последствий научно-технической революции, попыткой выдать эти последствия за структурные изменения, происходящие эволюционным путем в социально-экономической системе капитализма. Социализм же в теориях «общества нового типа» фактически отвергается, так как вся их социально-политическая направленность сводится к отрицанию революционной борьбы трудящихся, руководящей роли рабочего класса в этой борьбе, к реформированию существующих порядков в развитых капиталистических странах без существенного изменения политических и экономических устоев в них.

Теории «общества нового типа» — новая форма апо-логетики капитализма в нынешних условиях, когда социализм с еще большей силой демонстрирует свои преимущества перед капитализмом. Все они основываются на утопическом, исторически неверном представлении о сущности частного предпринимательства и капиталистической системы в целом, на стремлении добиваться перерождения социалистических стран по «западному образцу».

В современных условиях, как говорил Л. И. Брежнев, «империализм не может рассчитывать на успех, открыто провозглашая свои действительные цели. Он вынужден создавать целую систему идеологических мифов, затуманивающих подлинный смысл его намерений, усыпляющих бдительность народов»¹.

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969, Прага, «Мир и социализм», 1969, стр. 203.

Борьба идей и научно-техническая революция. Лениздат, 1973.

Борьба идей в современном мире. Тт. 1, 2, 3. М., Политиздат, 1975, 1976.

Научно-техническая революция и идеологическая борьба. М., «Наука», 1975.

Л. Г р а л, С. П о п о в. Критика современных буржуазных социологических теорий. М., «Прогресс», 1976.

Г. П. Д а в и д ю к. Критика теории «единого индустриального общества». Минск, «Наука и техника», 1968.

Современные буржуазные теории о слиянии капитализма и социализма. М., «Мысль», 1970.

Социология и современность. Т. 1, 2. «Наука», 1976.

И. П. И в а н о в. Социальная сущность теории конвергенции. М., Политиздат, 1975.

Идеологические проблемы научно-технической революции. М., «Наука», 1974.

Г. И. И к о н н и к о в а. Теории постиндустриального общества. М., Политиздат, 1975.

Г. М а й с н е р. Теория конвергенции и реальность. М., «Прогресс», 1973.

М. Б. М и т и н. Проблемы современной идеологической борьбы. «Прогресс», 1976.

Н. В. Н о в и к о в. Мираж организованного общества. М., Политиздат, 1975.

Э. Л. А р а б-О г л ы. В лабиринтах пророчеств. «Молодая гвардия», 1973.

А. П. Х а р л а м о в. В тупике буржуазного техницизма. М., «Мысль», 1967.

Б. Г. С к в о р ц о в. Доктрина конвергенции и ее пропаганда. М., Политиздат, 1974.

Философия и современность. М., «Наука», 1976.

СОДЕРЖАНИЕ

«Конвергенция» и «технологический детерминизм» как методологическая и научная основа теорий «общества нового типа»	5
Фетишизация социально-экономических последст- вий научно-технического прогресса и буржуазная социальная мифология	23
Научная несостоятельность теорий «индустриаль- ного общества»	30
Теории «массового общества» и капиталистиче- ская действительность	36
Идеализация современного капитализма под фла- гом различных вариантов теории «постиндустри- ального общества»	41
Миф об «обществе технократов»	54
От «технократии» к «технофобии» и теориям «глобального моделирования»	59
Литература	74

Николай Варфоломеевич Пилипенко
УТОПИЗМ БУРЖУАЗНЫХ ТЕОРИЙ
«ОБЩЕСТВА НОВОГО ТИПА»

Ответственный за выпуск —
старший референт правления общества
«Знание» РСФСР **Н. А. Левичев**

Редактор **И. Н. Цветкова**
Технический редактор **Т. Н. Шелехова**
Корректор **Е. Н. Линицкая**

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ!

Просим Вас заполнить и выслать настоящую анкету по адресу:
Москва, Центр, Новая пл., 3/4, общество «Знание» РСФСР.

АНКЕТА ЛЕКТОРА

• 1. Пользуетесь ли Вы при подготовке лекции нашими брошюрами? _____

2. Удовлетворяет ли Вас наша литература по содержанию, форме изложения и оформлению? _____

3. Какие брошюры текущего года оказались Вам особенно полезными? _____

4. Какие брошюры Вы считаете неудачными? _____

5. Какие методические материалы, по Вашему мнению, должны
содержать брошюры в помощь лектору? _____

6. Какие формы материалов Вы считаете наиболее полезными
для лектора: тексты лекций, материалы к лекциям, справочные
данные (цифры, факты, библиография), аннотированная тематика
лекций и т. д.? _____

7. В какой местности Вы преимущественно выступаете с лек-
циями? _____

8. Каков обычно состав Ваших слушателей по социальному по-
ложению, по возрасту, образованию? _____

9. Ваш стаж лекторской работы _____

10. Ваши пожелания и критические замечания по поводу бро-
шюр, выпускаемых правлением общества «Знание» РСФСР _____

Благодарим за ответы. Они помогут нам улучшить качество
брошюр.

12 коп.